

ЖУРНАЛ
МОСКОВСКОЙ
ПАТРИАРХИИ

6

1 9 5 5

ЖУРНАЛ
МОСКОВСКОЙ
ПАТРИАРХИИ

ИЮНЬ

ИЗДАНИЕ МОСКОВСКОЙ ПАТРИАРХИИ
МОСКВА 1955

СОДЕРЖАНИЕ

ОФИЦИАЛЬНАЯ ЧАСТЬ

Пасхальные приветствия Предстоятелей автокефальных православных церквей, полученные Святейшим Патриархом Алексием	3
---	---

ЦЕРКОВНАЯ ЖИЗНЬ

Летопись церковной жизни:

Архипастырские труды	5
Освящение молитвенного дома	5
Кончины пастырей	5

На приходе:

Литургийные Евангельские чтения	6
Проф.-прот. А. Ветелев. Храм и пастырь	8
Свящ. П. Соколовский. О церковном чтении	10

Светочи церковной жизни:

Святой мученик Иустин Философ	13
Св. Кирилл, архиепископ Александрийский	14
Блаженный Августин, епископ Иппонский	15

ЦЕРКОВНАЯ ПРОПОВЕДЬ

Митрополит Николай. Апостольские уроки	18
--	----

В ЗАЩИТУ МИРА

Обращение Всемирной Ассамблеи мира	22
А. Ведерников. Слово христианской любви	23
Р. Днепров. Всенародное собрание	24
Митрополит Николай. Речь на Всемирной Ассамблее мира	28
Прот. А. Парыгин. Путем молитвы и труда — к миру!	32
Прот. А. Парыгин. Голос нашей смены	33
Прот. К. Емчинов. Слово о мире	36
Проф. А. Осипов. Еще о памятных годовщинах	36
Письмо Окружного Совета мира в Зебнитце	38

СТАТЬИ

Прот. К. Константинов. Православное богослужение в жизни христианина	40
Проф. Л. Успенский. Смысл и язык икон	55
Наставник И. Ваконыя. Бесценное богатство русских переводов слова Божия и церковной литературы	65

ИЗ ЖИЗНИ АВТОКЕФАЛЬНЫХ ПРАВОСЛАВНЫХ ЦЕРКВЕЙ

Свящ. С. Харламов. Монастырь Катамон (Письмо из Палестины)	68
Служение Сербского Патриарха Викентия	69

БИБЛИОГРАФИЯ

А. Ведерников. Иером. Петр (Павел Л'Юиллье). Православное понимание догмата	70
---	----

Издатель:
МОСКОВСКАЯ ПАТРИАРХИЯ

Редактор:
РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Отв. Секретарь Редакции А. В. Ведерников

Адрес Редакции «Журнала Московской Патриархии»: Москва, Г-48, Б. Пироговская, 2
(бывш. Новодевичий монастырь)

ОФИЦИАЛЬНАЯ ЧАСТЬ

ПАСХАЛЬНЫЕ ПРИВЕТСТВИЯ ПРЕДСТОЯТЕЛЕЙ АВТОКЕФАЛЬНЫХ ПРАВОСЛАВНЫХ ЦЕРКВЕЙ, ПОЛУЧЕННЫЕ СЯТЕЙШИМ ПАТРИАРХОМ АЛЕКСИЕМ КОНСТАНТИНОПОЛЬСКАЯ ЦЕРКОВЬ

Блаженнейший и Сятейший Патриарх Московский и всея Руси, во Христе Боге весьма возлюбленный и желанный Брат и Сослужитель нашей Мерности Господин Алексей, Ваше священное Блаженство братски во Господе лобзая, от всего сердца приветствуем.

В сей нареченный и святой день славного Воскресения из мертвых Господа нашего, с братской любовью и благодарностью спешим ответить Вашему высокопочитаемому Блаженству на братское приветствие Ваше, которое Вы передали нашей Сятейшей Церкви Вашим дорогим праздничным письмом, и от всей души возглашаем в ответ «Воистину Воскресе».

Христос Бог наш, Страданиями и Воскресением Своим уничтоживший власть греха и освободивший пленников ада от оков, да даст Вашему священному Блаженству многие годы в постоянном и непоколебимом здоровье поклоняться спасительным Его Страданиям и радостно, вместе с благочестивой и любимой нами полнотой Вашей Сятейшей Церкви, праздновать и прославлять тридневное Его Восстание.

Да подаст Христос людям Божественный и превосходящий ум мир Свой и да приведет их на путь истины и вечных Своих предначертаний, чтобы, возненавидев всякую вражду и всякую злобу, стяжали они дух примирения и прощения по отношению друг к другу и чтобы, отвергнув орудия тьмы и разрушения, направили внимание и силы свои на утверждение общего единомыслия и любви, на укрепление «ослабевших рук и дрожащих колен».

Лобзаем Вас снова в Воскресшем Христе и пребываем с любовью и исключительным уважением Вашего священного Блаженства возлюбленный во Христе Брат

Константинопольский Афинагор

Святая Пасха
1955 г.

ЭЛЛАДСКАЯ ЦЕРКОВЬ

Блаженнейший Патриарх Московский и всея Руси, во Христе Боге возлюбленный Брат и Сослужитель Господин Алексей, Ваше Блаженство во Господе лобзая, от всего сердца приветствуем.

«Благословен Бог и Отец Господа нашего Иисуса Христа, по великой Своей милости возродивший нас Воскресением Иисуса Христа из мертвых

к упованию живому, к наследству нетленному, чистому, неувядаемому, хранящемуся на небесах для нас».

Это боговдохновенное славословие мы воссылаем Богу и Отцу в день славного и живоносного Воскресения Спасителя нашего Иисуса Христа, победившего силы тьмы, Первенца из мертвых, воссиявшего из гроба на радость и вечное веселие верным.

Ныне Церковь светоносно торжествует и радостно празднует Божественное Воскресение. Мы духовно веселимся, приходим в общение с Вашей Богочтимой Главой, с любовью лобзая Вас, возглашаем победное приветствие «Христос Воскресе!» Вместе с тем усердно молим Воскресшего Спасителя продлить Вашу жизнь на земле и укрепить Вас в Вашем священном служении на похвалу и во славу Церкви Своей, которую Он основал на камне веры Воскресением Своим.

Хотя мы и ходим посреди сетей многих, но в надежде на Воскресение радуемся и вместе с Вами твердо веруем, что, претерпев немного в этом мире, получим бессмертный плод Воскресения. Посему мы и проповедуем, чтобы в надежде воскресения души людей обращались к Богу, к вере в обетования и справедливый суд Его. Мы знаем, что «Христу надлежало пострадать и войти в славу Свою». Поэтому и мы страдаем вместе с Ним, чтобы прославиться с Ним.

Да будет Бог милосерд ко всему миру, да отвратит Он всякое наше зло, доставит мир и пошлет Духа Святого для возрождения душ и исправления жизни. Да призвет Он заблудших, силою Воскресшего Иисуса Христа, от тьмы к свету, от неведения к познанию славы Его, да пробудит спящих и восставит мертвых явлением Воскресшего Спасителя, и да подаст всем нам жребий в воскресении праведных.

Вашего весьма нам желанного Блаженства возлюбленный во Христе Брат и всецело преданный

Афинский Спиридон

17 апреля 1955 г.

Афины

ЧЕХОСЛОВАЦКАЯ ЦЕРКОВЬ

Христос Воскресе! Ваше Святейшество, возлюбленный о Господе Святейший Владыко и Отец!

Примите наше искреннее и радостное приветствие с великим и все-спасительным праздником Христова Воскресения.

«Радуйтесь!» — вот были самые первые слова Воскресшего Господа св. женам-мироносицам, искавшим Его во гробе (Мф. 28, 9).

Мы усердно молим Божественного Спасителя нашего, «Воскресшего и вся с Собою воскресившего», да дарует Он и Вам, Ваше Святейшество, в сии святые и спасительные дни Святой Пасхи Свою духовную радость, да оживотворяет паче и паче Вас Своею всесилою благодатию, и да укрепляет Ваши духовные и телесные силы к дальнейшему многоплодному служению Его Святой Церкви, во славу Божию и на радость всех нас, столь любящих и почитающих Вас!

Во имя Воскресшего Господа примите, Ваше Святейшество, наше братское пасхальное целование!

Вверяя себя и нашу паству Вашим святым молитвам, пребываю к Вашему Святейшеству с неизменной сыновней любовью о Господе.

Елевферий,

Митрополит Пражский и всея Чехословакии

Пасха Христова
1955 г.

ЛЕТОПИСЬ ЦЕРКОВНОЙ ЖИЗНИ

Архипастырские труды

7 мая сего года Преосвященный Варсонофий, епископ Калининский и Кашинский, совершил, в сопровождении благочинного 1-го округа и протодиакона, поездку в город Великие Луки.

По прибытии Владыка проследовал в Казанский собор, где был отслужен краткий молебен. В тот же день Преосвященный Варсонофий совершил всенощное бдение, а на другой день Божественную литургию в сослужении восьми священников.

По окончании литургии и молебна Владыка сказал слово о мире, о любви к Родине и Матери-Церкви, о той великой жертве, которую принесли воины, лежащие на кладбище, и о любви их к нам — живым и о мудрости властей предержащих, столь добре устрояющих нашу жизнь.

Во время благословения молящиеся усердно благодарили Владыку за посещение и просили чаще их навещать.

Разрешив затем разные вопросы приходской жизни, Преосвященный Варсонофий отбыл в гор. Калинин.

Освящение молитвенного дома

6 мая сего года состоялось торжество освящения молитвенного дома в поселке Котельниково, Сталинградской области.

Освящение и первую Божественную литургию совершал Преосвященный Сергей, епископ Астраханский и Сталинградский, в сослужении сталинградского благочинного, соборного священника и настоятеля вновь открытого храма.

По окончании церковного торжества Преосвященному Сергию была предложена скромная трапеза, которая прошла в обстановке сердечного общения архипастыря с причтом молитвенного дома.

Кончины пастырей

2 апреля текущего года скончался на девяностом году жизни протоиерей Тамбовской епархии Алексей Иванович Ветринский. Прослужив Святой Церкви в течение 62 лет, он только в 1953 году ушел на покой. Свою долголетнюю службу о. Алексей проходил в храмах гор. Кирсанова. Всегда внимательный к нуждам прихожан, он снискал себе всеобщую любовь. Отпевание покойного совершалось 5 апреля собором священнослужителей гор. Кирсанова во главе с окружным благочинным, протоиереем И. Архангельским.

10 мая скончался на 59 году жизни, после тяжелой болезни, настоятель Свято-Николаевской церкви гор. Каменец-Подольска протоиерей Иоанн Николаевич Гордзиевский, прослуживший последние десять лет в должности благочинного.

12 мая в соборе гор. Каменец-Подольска была совершена заупокойная литургия. В отпевании покойного приняли участие шестнадцать священников. С надгробными речами выступили: прот. М. Крыжановский, прот. И. Кисилевич и свящ. Г. Губаев. Множество верующих пришли проводить в последний путь доброго пастыря.

НА ПРИХОДЕ

ЛИТУРГИЙНЫЕ ЕВАНГЕЛЬСКИЕ ЧТЕНИЯ

Неделя 4-я по Пятидесятнице (Мф. 8, 5—13). Много чудес творил Господь наш Иисус Христос, живя на земле. И великое множество людей «больных, слепых, хромых, иссохших» приходило к Нему, ища исцеления. Одни из них теснились к Нему, чтобы прикоснуться, другие — зывали о помощи, третьих — лежащих больных и расслабленных — приносили близкие и клали перед Иисусом Христом. Наконец, Самого Господа приглашали прийти к некоторым недужным. И слава об исцелениях прошла по всей Иудее.

Слышал о них и сотник, слуга которого лежал в расслаблении и сильно страдал. Нести его к Иисусу Христу было, повидимому, делом нелегким. В то же время сотник не решился и к себе пригласить Господа, считая себя недостойным, чтобы Господь пришел в дом его. Евангелист Лука говорит (7, 2—10), что сотник даже сам не решился прийти к Спасителю, но просил ходатайствовать о себе старейшин иудейских. Может быть, сознавая, что Христос «послан только к погибшим овцам дома Израилева» (Мф. 15, 24), он считал себя не вправе, как римлянин, обращаться к Нему. Таково было смирение его и сознание своего недостойнства. Но в то же время он ни минуты не сомневался, что Христос силен словом Своим и на расстоянии исцелить слугу его и что, по благодати Своей, Господь может снизойти к просьбе его, выполнение которой в этих условиях не затруднит Его: «скажи только слово, и выздоровеет слуга мой». Такова вера сотника. Сам Господь удивился этой вере и похвалил ее, сказав: «истинно говорю вам, и в Израиле не нашел Я такой веры».

Будем и мы погружаться в бездну смирения, будем считать себя ничего не достойными, чтобы возгорелись в нас вера и надежда на единую спасающую благодать Господа нашего, и Он, по Своему милосердию, исцелит расслабленное грехом естество наше.

Неделя 5-я по Пятидесятнице (Мф. 8, 28—9, 1). В Евангелии рассказывается, как Господь Иисус Христос исцелил бесноватого в стране Гергесинской, изгнав из него бесов, которые, получив дозволение, вошли в стадо свиней, «и вот все стадо свиней бросилось с крутизны в море и погибло в воде». Жители же страны той, узнав об этом, вышли к Иисусу и «просили, чтобы Он отошел от пределов их».

Не потому, конечно, жители просили Спасителя удалиться, что Он исцелил бесноватого. Если бы произошло только это чудо, жители, вероятно, обежали бы всю окрестность и, собравши всех больных, при-

несли их к Иисусу, чтобы Он исцелил их. Правда, из других евангельских повествований мы знаем, что сотник почел себя недостойным принять к себе Господа, а ап. Петр во время чудесного улова рыбы уже после воскресения Спасителя припал к ногам Иисуса Христа, воскликнув: «Изыди от меня, Господи, ибо я человек грешный». Однако не с таким чувством смирения просили жители страны Гергесинской Спасителя уйти от них. Их поразило и испугало то, что случилось с их свиньями. Чувствуя, что гибель животных случилась с соизволения Господа, они тем не менее не обвиняют Его, не предъявляют к Нему претензий за гибель их достояния. Они признают Его Божественное право поступать так, как Он поступил, и сознают свою вину за содержание животных, употребление в пищу которых было запрещено законом Моисея. Значит, чувствуют они, что праведно поступил с ними Господь и что дал Он им вразумление, чтобы покаяться. Однако так велика их привязанность к земным благам, что они опасаются, как бы пребывание у них Спасителя не причинило им новых лишений. И вот они умоляют Христа отойти от пределов их.

Не то же ли может произойти и с нами, верующими, которые должны искать в своей жизни возможности приблизиться к Господу? Не хотим ли мы часто удержать при этом и наши земные привязанности? И когда Господь посещает нас страданиями или вразумляет лишением земных благ, не соблазняемся ли мы этим, не завидуем ли, что «путь нечестивых спеется», и не готовы ли и мы, подобно жителям гергесинским, даже умолять Спасителя, чтобы Он отошел от нас? Да не будет сего! Но будем, напротив, помнить, что «Господь, кого любит, того наказывает; бьет же всякого сына, которого принимает» и что если мы терпим наказание, то Бог поступает с нами, как с сынами; если же остаемся без наказания, которое всем обще, то мы незаконные дети, а не сыны. Так «всякое наказание в настоящее время кажется не радостью, а печалью; но после наученным чрез него доставляет мирный плод праведности» (Евр. 12, 6—8 и 11).

*
* *
*

Неделя 6-я по Пятидесятнице (Мф. 9, 1—8) ¹. Литургийное Евангелие шестой недели по Пятидесятнице повествует нам о том, как расслабленный был принесен на одре к Господу Иисусу Христу, Который, видя веру принесших, даровал расслабленному прощение грехов и исцеление от болезни.

Знаем мы, как благ Господь и как скоро Он подает помощь нуждающимся в ней. Однако действует Господь не только по Своему милосердию и изволению, но ждет Он, чтобы и сам человек с верой обратился к Нему. Вот почему, когда прибегали к Нему за исцелением, Он всегда спрашивал: «веруете ли, что Я могу это сделать?» (Мф. 9, 28), а если не видел веры, то «не мог совершить никакого чуда» (Мрк. 6, 5). Ибо вера открывает душу человека для Бога, и она становится способной к принятию Его благодати.

Однако нечто еще более чудное слышим мы в нынешнем Евангелии. Господь, говорится, узрел веру принесших расслабленного, разрешение же грехов и исцеление от болезни даровал не им, но самому расслабленному. Здесь вера одних привлекает благодать Божию к другим. Души принесших отверзаются верою к принятию благодати, но, прилепившись человеколюбием и сострадательной любовью к душе расслабленного, они на нее проводят ток этой благодати и становятся участниками прощения грехов и исцеления расслабленного. Так утверждаются связь душ людей

¹ Составлено по Слову на сию Неделю митр. Филарета.

и взаимная поддержка их в деле спасения, знакомая каждому живущему духовной жизнью. Зная об этом, будем заботиться друг о друге, испрашивая в молитвах всякого блага ближним нашим и сами прося их молитв о наших нуждах, да сподобимся получить «все потребное для жизни и благочестия» (2 Петр. 1, 3).

Неделя 7-я по Пятидесятнице (Мф. 9, 27—35). В сегодняшнем Евангелии рассказывается об исцелении Господом Иисусом Христом двух слепых и немого бесноватого.

Мы видим, с какой настойчивостью просили слепые о помощи. Твердо уверовав, что Господь может исцелить их, они неотступно следовали за Ним по дороге и непрестанно «кричали: помилуй нас, Иисус, сын Давидов! Когда же Он пришел в дом, слепые приступили к Нему», продолжая молить об исцелении. И исповедав свою веру во всемогущество Христово, они получили просимое.

И мы в своей жизни разве не подобны этим слепым? Разве грехи, совершаемые нами, не ослепляют наши душевные очи? О немом говорится, что он был бесноватым и «когда бес был изгнан, немой стал говорить». Подобно сему и слепота может быть от бесов. Когда, в крайнем состоянии греховности, человек по своему нерадению допускает, чтобы в душе его возобладали какая-нибудь страсть, то он становится одержимым ею; эта страсть ослепляет человека, он ничего не видит и слепо стремится к ее удовлетворению. Такое душевное ослепление тем более пагубно, что, в противоположность телесной слепоте, оно менее заметно для других и в особенности для самого обладаемого страстью.

«Всякий, делающий грех, есть раб греха» (Иоан. 8, 34) — сказал Спаситель. Зная об этом, мы должны всей душой возжелать освободиться от греха, твердо уверовать, что Господь силен исцелить нас, и, подобно слепым, непрестанно вопить вслед Его о помиловании. И Господь, по неизреченной Своей благодати, умиласердится над нами, исцелит нашу слепоту, откроет наши душевные очи, чтобы мы познали глубину нашей греховности и очистили ее покаянием и слезами. А кто увидел свои грехи, тот, по словам св. Исаака Сирина, блаженнее сподобившегося увидеть ангела.

ХРАМ И ПАСТЫРЬ

Храм — центральное место всей деятельности священника. Здесь он — совершитель Таин Божиих и молитвенник за свою паству пред Отцем Небесным. Здесь нисходят в его душу дары Божественной благодати — любовь, умиление, молитва и сердечная близость к горнему миру. Здесь он берет в свою душу скорби и немощи своих пасомых, сострадая им пред жертвенником и Престолом Божиим.

Все это происходит в душе пастыря потому, что храм есть место особого присутствия Божия и единения Церкви земной и небесной. «Я каждый день, совершая богослужение, — говорит один из благочестивых пастырей Церкви, — нахожусь в живом общении с Богородицею, с ангелом хранителем и со всеми небесными силами, с патриархами, праотцами, пророками, апостолами, святителями Христовой Церкви: преемниками апостолов, мучениками, преподобными, бессребренниками, праведными и всеми святыми; назидаясь их житием, подвигами, писаниями, чудесами, от них происходящими, и непрестанно благодарю Бога, поставившего меня в таком чудном, святом и спасительном союзе».

С храмом пастыря связывают история и литургическая жизнь, ибо с апостольских времен в христианском храме приносится одна и та же

Евхаристическая Жертва, а пастырь священнодействует и молится по тому же богослужебному чину, как и священнослужители самой глубокой христианской древности. При всех богослужениях, ежедневно совершаемых в храме, вместе с пастырем служат, молятся, поют, благодарят, прославляют Отца Небесного и те святые угодники Божии, которые составили церковные службы, молитвы и песнопения.

Храм является для пастыря и местом духовно-благодатной связи с умершими предками его пасомых. Здесь (в храме) молились эти предки. Здесь они крестились, венчались, отпевались. Здесь каждая икона участвовала в жизни отшедших поколений — принимала их молитвенные воздыхания, слезы — и через нее ниспосылались свыше благодатные утешения. Самый порог храма истерт ногами этих поколений, искавших в нем небесной помощи в невзгодах и трудах своей жизни.

Пастырь знает, что храм дорог и близок и его пастве, как святилище, как земное небо, где она обретает молитвенное единение с Богом и Церковью небесной. «Входя в храм, — говорят верующие люди, — мы как бы оставляем землю, вступаем в земное небо, уходим из времени и погружаемся в вечность. Лампады и свечи пред ликами святых напоминают нам о пламенной любви святых к Богу. К вечности зовут нас молитвы и песнопения. Торжественность, стройность и величие богослужения возвышают наши души. «Да, на земле нет места выше, святее и назидательнее, чем храм Божий...»». Это потому, что в храме сосредоточено «чудное духовное богатство Церкви, богатство веры, упования, любви, богатство благодати, милосердия, премудрости Божией, богатство чудес, очищения прегрешений, освящения, просвещения, утешения, мира и свободы духовной». Поэтому пастырь особенно полно воспринимает благодатную жизнь Церкви только в духовной атмосфере своего храма и своего пастырского в нем служения.

*
* *
*

Внутренняя духовная связь пастыря с храмом не отделима от благоговейного отношения к его святыне. Благоговей — значит молитвенно трепетать перед величием всевидящего Бога, обитающего в этом храме. Пример мытаря, вошедшего в храм помолиться, дает пастырю понять сущность подлинно благоговейного и смиренного отношения к храму.

Любовь пастыря к храму должна выражаться в постоянной заботе о его благолепии и в стремлении постоянно дышать его благодатной атмосферой. Св. Иоанн Златоуст и трех дней не мог пробыть вне храма, несмотря на болезнь, требовавшую покоя и уединения.

Образцом молитвенного благоговения и сердечного тяготения к храму являются многие русские богомольцы и молитвенники. От них пастырь может воспринять многое в смысле их религиозно-смиренного и трепетно-благоговейного отношения к дому Божию. Еще более назидательные уроки благоговения и любви к храму дают пастырю святые подвижники и великие отцы и учителя Церкви Христовой. Но величайшим образцом храмопочитания является для нас Богоматерь, озарившая и осветившая Иерусалимский храм Своим смиреннейшим и благоговейнейшим пребыванием в нем в юные годы. А достигши возраста, Пречистая Приснодева Сама сподобилась стать «храмом Божества» и самого возвышенного и трогательного почитания и прославления.

Для Самого Господа Иисуса Христа пребывание в Иерусалимском храме означало полноту и безраздельность общения с Богом Отцом (Лук. 2, 49). Этот храм с его жертвоприношениями в дни общественного служения Спасителя являлся для Него не только местом молитвы и поучения, но символом всего Его жертвенного служения с Голгофской смертью и воскресением (Иоан. 2, 16—19). Жертвенность служения

Спасителя стала основанием всего христианского богослужения, установленного на Тайной Вечери в Сионской горнице, которая и явилась началом всех христианских храмов.

*
* * *

Спасительная идея, лежащая в основе христианского храма и богослужения, должна воодушевлять пастыря в его служении и способствовать созиданию в нем самом храма Духа Святого (1 Кор. 3, 16), ибо «разве не знаете, что вы храм Божий, и Дух Божий живет в вас?» (1 Кор. 3, 16; ср. 2 Кор. 6, 16).

От этого внутреннего храма рождается благоговейное отношение и к храму внешнему, в котором, как в доме Божием, все свято: и престол, и жертвенник, и Крест, и Евангелие, и иконы, и все другие принадлежности. И горе пастырю, если он «разорит» (1 Кор. 3, 17) свой внутренний храм, если живет не по Духу Божию. Тогда в нем самом и вокруг него все духовное угаснет и померкнет, на все в храме Божием он будет смотреть холодным, безучастным взором, и все священные предметы утратят для него свой духовный животворящий смысл, а само богослужение превратится в механическое воспроизведение одного и того же богослужебного чина.

Церковная жизнь знает примеры такого охлаждения к храму и вообще к пастырскому служению некоторых священников, бывших вначале верующими и церковно настроенными, а затем в силу небрежения к своему долгу, превратившихся в черствых и равнодушных требоисправителей-наемников.

Чтобы избежать такой опасности, пастырь с первых же шагов своего служения должен создавать в себе навык «возгревать дар Божий» (2 Тим. 1, 6) как в отношении храма внутреннего, так и храма внешнего, со всей тщательностью приготавливаясь к каждому богослужению и выполняя любую пастырскую обязанность с ревностью о славе Божией.

Проф.-прот. А. Ветелев

О ЦЕРКОВНОМ ЧТЕНИИ

В чине богослужения Православной Христовой Церкви большое место занимает церковное чтение. Чтением сопровождаются все службы круга суточного богослужения. За богослужением читаются как избранные места из Священного Писания, особенно Псалтири, так и творения песнотворцев: каноны, седальны, кондаки, икосы, ипакои, светильны и другие. В значительной части все эти молитвенные обращения человека к Богу исполняет чтец, а чтение святого Евангелия, чтение ектений и возгласы к ним исполняются священнослужителями.

Такую практику — прославлять Бога и сокрушаться о грехах своих через церковное чтение и молитвы — мы унаследовали от древней Церкви. Как свидетельствуют Слово Божие и памятники древней церковной письменности, церковное чтение предоставляет нам весьма разнообразную духовную пищу. Святой апостол Павел в послании к Ефесянам говорит о том, что ему, апостолу, «через откровение возвещена тайна» (спасения), а поэтому «вы, читая, — пишете он, — можете усмотреть мое разумение тайны Христовой»¹. «Читающий да разумеет», — говорит Господь в беседе о Страшном суде², предупреждая каждого, какой плод он должен получить от чтения Священного Писания.

¹ Ефес. 3, 4.

² Мф. 24, 15.

Через чтение и слушание Слова Божия последователь Христов призван уразуметь тайну домостроительства Божия о спасении рода человеческого, о том, что совершает благодать, как спасает нас Господь, что необходимо делать человеку в этой земной жизни, чтобы наследовать обетование благ вечных, как вести борьбу с грехом. Церковь предлагает в канонах и других чтениях также и примеры истинного покаяния и борьбы с грехом, дает образы праведников, восхваляет их подвиги, обращается к ним за молитвенной помощью. Поэтому неудивительно, что церковное чтение и благоговейное слушание приводило многих верных чад Церкви к тому, что они оставляли мир «и яже в нем» и следовали за Господом.

В писаниях святых отцов мы находим указания на то, какое чтение в древней Церкви считалось правильным и спасительным. Рассуждая о чтении за богослужением у египетских подвижников, преподобный Кассиан пишет: «Основываясь на словах апостола Павла «воспою духом и воспою умом» (1 Кор. 14, 15), они (египтяне) считают важным не то, чтобы прочитать много стихов, но то, чтобы понять содержание их. Посему говорят, что полезнее прочитать с разумною разделительностью 10 стихов, нежели весь псалом со смятением, которое иногда происходит от поспешности произносящего, когда заботятся не о том, чтобы внушить слушающим раздельное понятие, но о скорейшем окончании богослужения. Если же кто из новичков, по ревности или неопытности, станет читать слишком протяжно, то настоятель, дабы сидящие от такого чтения не почувствовали скуки и, таким образом, не лишились плода, — сидя на своем седалище, дает знак, чтобы все встали на молитву, и тем самым останавливает читающего»³.

Как видим, одинаково неприемлемо было в древней Церкви как чтение быстрое и невнятное, так и слишком протяжное. От чтеца требовались опытность и благоговение, умение передавать не свои чувства, но содержание читаемого. В связи с этим следует вспомнить о тех многих замечаниях, содержащихся в богослужебных книгах, где Святая Церковь дает указания о характере чтения. Так, например, в Часослове о чтении шестопсалмия читаем: «И начинаем шестопсалмие, со всяким молчанием и умилением слушающе; учиненный же брат со благоговением и страхом Божиим глаголет»⁴. Подобных наставлений о том, каким должно быть церковное чтение, в богослужебных книгах немало. Святая Церковь указывает не только на то, что и когда прилично читать, но и как следует читать.

Если обратимся к источникам, характеризующим церковное чтение в древней Руси, то увидим, что Русская Церковь всегда стояла за внятное, разумное чтение и боролась с поспешностью и невнимательностью при чтении. По свидетельству Павла Алеппского (XVII век) в его описании путешествия Антиохийского патриарха Макария на Русь, основным правилом, которым руководствовались русские при чтении в церкви в то время, было: ничего не читать наизусть. Даже «Святый Боже...» читали по книге, боясь ошибиться. «Псалмы и молитвы русские читали нараспев»⁵. Дяконы произносили ектении не высоким голосом, но тихо «голосом низким и с полным благоговением»⁶.

Весьма ценные указания о том, как следует читать в храме, дает нам в своих правилах для новоначальных иноков епископ Игнатий Брянчанинов. К чтению необходимо готовиться, — говорит он, — нужно заблаговременно подыскать в книгах и открыть или «заметить» все необходи-

³ Преподобный Кассиан, кн. 2, гл. II.

⁴ Часослов, М., 1905.

⁵ Прот. И. Голосов, Церковная жизнь на Руси в половине XVII века. ч. 4, стр. 156.

⁶ Там же.

мые места, чтобы во время чтения не делать остановки приискиванием кондаков и тропарей. Чтецу надлежит стоять прямо, руки держать опущенными, «читать и неспешно и непротяжно, произносить слова отчетливо, внятно»⁷. При чтении Апостола «отнюдь не должно чрезмерно и непристойно кричать, увлекаясь тщеславием»; нужно читать природным голосом, «без отяготительного для слуха и совести напряжения, благоговейно, внятно, величественно... чтобы не оказалось, что мы приносим Богу один плод устен, а плод ума и сердца приносим тщеславию», ибо плод устен «отвергается Богом, как оскверненная жертва»⁸. А желание преподать предстоящим свои чувствования и переживания изменениями голоса «есть знак самомнения и гордости»⁹.

Итак, вся практика Святой Церкви говорит нам, с одной стороны, о внятном, неторопливом чтении, с другой — о чтении с «рассуждением», о чтении благоговейном и передающем «смысл читаемого».

Обращаясь к нашей церковной действительности, мы должны помнить эти указания и неленостно исправлять постановку чтения там, где она не на должной высоте.

Непременным условием правильно поставленного церковного чтения является понимание чтением как смысла читаемого, так и литургического значения того или иного текста. Может ли диакон, читая святое Евангелие, возвышать голос до бесчинного вопля, если он ясно себе представляет, что то, что он возглашает, — это слова Господа нашего Иисуса Христа, «это говорил Христос», «это Его учение», «это Его слова». Благоговейный страх должен пресечь всякую попытку «поднять естество на вопль», «порадовать» молящихся не словом Христа, а собственным голосом.

Точно так же, если чтец, восходя на кафедру для чтения, соответствующим образом подготовлен: проникся в достаточной степени смыслом отправляемого праздника, образом жизни празднуемого святого, — он никогда не позволит читать канон невнятно, поспешно, но постарается донести перлы святоотеческого богословия, заключенные в наших богослужебных книгах, до сознания молящихся.

Долг настоятеля, пекущегося о благолепии богослужения в своем храме, заключается, таким образом, в том, чтобы чтец соблюдал правильную интонацию и внятность, уклоняясь как от напыщенного светского чтения, так и от недопустимой спешки. Настоятель обязан наблюдать, чтобы чтец был достойным образом подготовлен к чтению: не только знал бы, в какой книге и в каком месте найти тропарь или кондак святому и когда их читать, но приносил бы Богу и совершаемому празднику «плод ума и сердца», а «не тобою плод устен». Отбор чтецов и неустанная работа с ними — эта одна из важных задач служения пастыря на приходе.

Пастырь, наконец, не должен забывать, что в этом серьезном деле он сам должен идти впереди и показывать пример. Часть церковного чтения он должен брать на себя. Например, читать шестопсалмие, каноны и другие молитвословия. Практика показывает, что верующие с умилением слушают и ценят чтение, достойно исполняемое их пастырем. Они внимательно стоят в храме, им легче молиться, без особого труда они проникают тогда в смысл богослужения.

Таким образом, правильно поставленное и заботливо отправляемое церковное чтение может внести значительную долю в дело благодатного влияния священнодействия на душу верующего.

Свящ. П. Соколовский

⁷ Епископ Игнатий Брянчанинов. Правило 19.

⁸ Правило 22.

⁹ Правило 19.

СВЯТОЙ МУЧЕНИК ИУСТИН ФИЛОСОФ

Святой Иустин принадлежит к числу так называемых апологетов — церковных писателей, непосредственно следовавших за мужами апостольскими. Это были весьма образованные люди из язычников, принявших христианство. Они являлись постоянными ходатаями перед императорами и влиятельными лицами за невинно гонимых христиан.

Св. Иустин родился в Сирии Палестинской, в пределах Самарии, в городе, называвшемся до завоевания Палестины римлянами Сихем, а затем Неаполис Флавия (Наблус), так как после опустошения он был восстановлен императором Флавием Веспасианом. Иустин происходил из богатой языческой семьи и получил хорошее для своего времени образование. В юноше рано проявилось горячее стремление к истине, потребность решения высших вопросов о Боге и назначении человека.

Быстро овладев школьной премудростью и не удовлетворяясь тем, что могло предложить ему находившееся в состоянии упадка язычество, Иустин обратился к философии. Переходя от одной системы к другой, он нигде не находил положительного ответа на мучившие его вопросы, пока, наконец, не пришел к христианству. Произошло это в то время, когда Иустин являлся приверженцем школы известного философа Платона. Сам он так отзывается о своем тогдашнем состоянии: «Рассуждение о вышечувственном возвышало меня более и более, и учение об идеях окрыляло мой ум; в короткое время я мечтал сделаться мудрецом и в своем безрассудстве надеялся достигнуть созерцания Бога — этой конечной цели платоновой философии». В таком состоянии духа, желая беспрепятственно предаться размышлению в глубоком уединении, Иустин отправился однажды в пустынное место недалеко от моря. Здесь неожиданно он встретил почтенного старца, с которым у него завязалась беседа, незаметно перешедшая в глубокомысленный философский диспут. Старец сообщил Иустину, что дожидается здесь родственников, которые должны прибыть морем, и был удивлен, когда узнал о цели посещения этих уединенных мест своим собеседником.

— Так ты, — сказал он, — любитель умствований, а не дела и истины, и не заботишься быть деятельным мудрецом, а не софистом?

Иустин с жаром вступился за философию.

— Скажи же мне, что такое философия, — вопрошал старец, — и в чем она состоит?

— Философия, — отвечал Иустин, — по учению Платона, есть разумение всего существующего и познание истины; в обладании же тем разумением и премудростью состоит и приносимое философией счастье.

Тогда старец стал доказывать несостоятельность системы Платона в решении важнейших вопросов и необходимость иного, совершеннейшего руководства. Глубокие и вдохновенные слова незнакомца сильно поколебали самонадеянную уверенность Иустина в совершенстве платоновой философии и человеческой мудрости вообще. «Какому же учителю можно довериться?» — в отчаянии воскликнул он.

Тогда старец начал повествовать о святых пророках и заключил свою горячую и убедительную речь словами: «Прежде всего молись прилежно истинному Богу, да откроет тебе двери света, ибо только тот может созерцать и разуместь божественное, кого Сам Бог удостоит откровения; открывает же Он всякому, кто ищет Его молитвою и приближается к Нему любовью». С этими словами старец стал невидим, и никогда больше Иустин не видел его.

«Какой-то огонь разгорелся во мне, — вспоминал впоследствии Иустин, — воспламеняя дух мой стремлением к Богу, и возросла во мне

любовь к святым пророкам и к тем мужам, которые суть друзья Христовы. Размышляя о словах старца, я познал, что возвещенная им философия — единственно истинная, начал читать пророческие и апостольские книги, и от них стал действительно философом, т. е. истинным христианином».

Крещение Иустина относят к концу тридцатых годов II века. Оно открыло для него обширное поле деятельности. «Мне хотелось, — говорит он, — чтобы и все мыслили со мною одинаково и не отвращались учения Спасителя, ибо... оно доставляет сладостнейшее успокоение для тех, кто занимается им»¹.

Но, предавшись всеми силами своей души Евангелию, Иустин не отказался от философских занятий и внешне не изменил образа жизни. В одежде эллинского мудреца этот пламенный христианин странствовал с Востока на Запад по всему Римскому государству, всюду насаждая христианство. «Всякий, кто может возвещать истину и не возвещает, будет осужден Богом. Страшась этого, и я считаю долгом искать собеседований с вами, и это не из корыстолюбия или тщеславия»².

Но главное призвание и историческое значение св. Иустина состояло в столь необходимой в те времена апологии (защите) христианства от врагов Церкви — иудеев, язычников и еретиков. До нас дошли две апологии св. Иустина, первая из которых имела целью доставить христианам покровительство императора Антонина, а вторая — расположить Марка Аврелия к более кроткому обращению с ними. Известно также его полемическое сочинение «Разговор с Трифоном иудеем». Ревностная деятельность св. Иустина в этом направлении привела его к мученической смерти.

В то время в Риме жил некий языческий философ-циник Крискент, заклятый враг христиан, с которым Иустин непрестанно вступал в прения. Не будучи в состоянии противостоять Иустину, Крискент прибег к клевете на своего противника, очернив его перед римским судом. Святого предали мучениям в темнице и на суде. Но так как вины не находилось, то Крискент с помощью яда лишил жизни непобедимого воина Христова. Св. Иустин преставился в середине шестидесятых годов II века. Славный в жизни и смерти, он «оставил нам очень много полезнейших памятников ума образованного и ревностно занимавшегося предметами Божественными»³. Насколько большое значение имели его творения, можно судить не только по отзывам о нем церковных писателей последующего времени, но и по тем заимствованиям, которые часто делались из этих сочинений.

СВ. КИРИЛЛ, АРХИЕПИСКОП АЛЕКСАНДРИЙСКИЙ

Св. Кирилл происходил не только из христианской, но и из духовной семьи, приходясь по матери племянником известному патриарху Александрийскому Феофилу. Получив по тем временам блестящее образование, он хорошо знал как светские науки эллинов, так и Божественное Писание и христианское вероучение.

По смерти своего дяди Кирилл единогласно был избран на патриарший престол, как его достойный преемник. На этом поприще св. Кирилл прежде всего начал деятельную борьбу с еретическими учениями. Многих трудов стоило ему удалить из Александрии последователей уклонившегося в раскол пресвитера Новациана, которые подобно фарисеям утверждали, будто они чисты, праведны и непричастны греху. В целях борьбы с арианством он написал несколько трактатов догматического и полемического характера.

¹ Разговор с Трифоном иудеем, гл. 8.

² Там же, гл. 82.

³ Евсевий, Церковная история, IV, 18.

Но особенно великий подвиг совершил св. Кирилл в борьбе с ересью Нестория, по лжеучению которого от Девы Марии родился простой человек, а не Бог; Бог же Слово соединился с человеком Иисусом Христом с самого момента зачатия лишь благодатию и обитал в нем, как в храме. Поэтому Деву Марию Несторий называл не Богородицей, а Христородицей.

Сначала св. Кирилл пытался увещевать Нестория, но, видя, что тот не исправляется, обратился к нему со строгим обличительным посланием. Одновременно он направил послания клиру Константинопольской Церкви, царскому двору, папе Целестину и Антиохийскому и Иерусалимскому патриархам, призывая мирян не соблазняться новым лжеучением, а высшее духовенство — подвигнуть Нестория к покаянию.

Однако Несторий не только не исправлялся, но стал подвергать преследованиям всех тех, кто не разделял его ереси, с особой яростью ополчившись на св. Кирилла, которого сам обвинял в еретичестве. Все это дало повод к обвинению св. Кирилла византийским двором в нарушении спокойствия Церкви. Св. Кирилл в свое оправдание написал три книги о вере и пять книг против Нестория, где опровергал его лжеучение. Спор, все более разгораясь, принимал затяжной характер и угрожал длительными нестроениями в Церкви. Ради восстановления мира, в 431 году в Ефесе был созван III Вселенский Собор, но и он не привел к желаемому результату. Стремясь к достижению соглашения, император Феодосий сначала заключил в темницу главных представителей обеих враждебных партий, в том числе как св. Кирилла, так и Нестория, но потом, подвергнув все подробному исследованию, освободил св. Кирилла и его сторонников и явно склонился на их сторону. Позднее, в 435 году, вся Церковь осудила Нестория, который был низложен, отлучен от Церкви и сослан в отдаленную страну, где и скончался.

В последние годы жизни св. Кирилл выступил против Юлиана Отступника, написав опровержение его сочинения против христиан. К тому же времени относится сочинение св. Кирилла против секты антропоморфитов, имевших ложное понятие о существе Божиим.

Возглавляя Александрийскую Церковь в сане патриарха в течение 32 лет и за эти годы очистив Церковь Христову от всех тогдашних ересей, св. Кирилл в мире почил 27 июня 448 года. Его жизненные подвиги нашли свое отражение в кондаке: «Бездну нам учений богословия источил еси яве, от источник Спасовых, ереси погружающую, блаженне Кирилле, и стадо невреждено от тревожений спасающую, странам бо всем наставник, преподобне, яко Божественная являя».

БЛАЖЕННЫЙ АВГУСТИН, ЕПИСКОП ИППОНСКИЙ

Блаженный Августин, величайший из западных отцов Церкви, родился 1600 лет тому назад, 13 ноября 354 года, в небольшом африканском городке Тагасте. Отец его, занимавший видное общественное положение в городе, был язычником и попечение о сыне соединял с честолюбивой мечтой о его будущей карьере. Напротив мать его, благочестивая Моника, была христианкой и старалась вложить в сына живую веру и добрые задатки нравственной жизни.

Получив блестящее по тому времени образование сперва в родной Тагасте, а затем к Карфагене, блаж. Августин в то же время весь отдавался светским наслаждениям и удовлетворению своих необузданных страстей. Однако скоро, под влиянием чтения сочинения Цицерона «Гортензий», ныне утраченного, в нем пробудились высшие стремления, и с этих пор он посвятил свою жизнь исканию истины. Чтение Библии в это время не удовлетворило его, так как, после блестящих по форме сочинений языческих авторов, она показалась ему слишком просто и даже

грубо написанной. Августин увлекся религиозно-философским учением манихеев, в котором его прельщало обещание полного разъяснения тайн бытия силами одного разума. В продолжение девяти лет оставался он приверженцем этой доктрины, несмотря на сознание ее ошибочности, особенно после того, как убедился в невежестве высших ее представителей.

Занявшись преподаванием риторики, Августин, в поисках более широкого поля для своей педагогической деятельности, переселился в 383 году в Рим, а в следующем году — в Милан, куда за ним последовала мать, которой карфагенский епископ предсказал обращение сына. Только в Милане Августин окончательно порывает с манихейством, главным образом под влиянием скептической философии. В дальнейшем изучение новоплатонизма сближает его с христианством, чему способствовало также знакомство блаж. Августина со святым Амвросием, Миланским (Медиоланским) епископом, выдающиеся проповеди которого привлекали значительное количество верующих. Применение св. Амвросием аллегорического метода толкования Ветхого Завета произвело на Августина особенное впечатление и помогло ему преодолеть предубеждение против Свящ. Писания. К этому же времени относится знакомство Августина с жизнеописанием преп. Антония, написанным св. Афанасием Александрийским. Так постепенно подготовлялся тот перелом в жизни блаж. Августина, в котором он усматривал непосредственное воздействие Божественного Промысла. Однажды, когда Августин, раздираемый внутренними противоречиями, лежал распростертый на земле в глухом углу сада, источая потоки отчаянных слез, он услышал нежный детский голос, напевавший необычные слова: «возьми, читай; возьми, читай». Восприняв эти слова, как указание свыше, Августин наугад раскрыл послания ап. Павла и прочитал слова: «Облекитесь в Господа нашего Иисуса Христа и попечения о плоти не превращайте в похоти» (Римл. 13, 14). С этого момента Августином решительно овладела мысль отказаться от общественного положения учителя риторики и предаться уединению для подготовки к принятию таинства крещения. Крещение состоялось в пасхальные дни 387 года. Вскоре после этого события скончалась благочестивая Моника, своими молитвами предвещая сына в лоно Церкви Христовой.

Осенью 388 года блаж. Августин возвращается в Тагасту, где живет в обществе близких людей, посвящая время религиозно-философским занятиям. Продав затем свое имущество и передав вырученные деньги Церкви, блаж. Августин перебирается в 391 году в главный город Нумидии Иппон. Здесь, известный уже своей ученостью и святостью, он вскоре, по требованию общины, посвящается сначала в пресвитера, а в 395 году в сан епископа, в помощь престарелому епископу Иппонскому Валерию, кафедру которого он занял после его смерти. В этом сане блаж. Августин служил Церкви в продолжение 35 лет, устроив внутреннюю ее жизнь и активно борясь с ее внутренними и внешними врагами, в лице главным образом донатистов, пелагиан и язычников. Его деятельность выходила далеко за пределы его епархии, так как благодаря его авторитету к нему обращались за советом и указаниями многие лица из Африки и Италии. Скончался блаж. Августин 28 августа 430 г. после непродолжительной болезни в осажденном вандалами Иппоне. Память его в Православной Церкви празднуется 15 июня.

С кончиной блаж. Августина не прекратилось его влияние в Церкви: многочисленные его творения, охватывающие обширный круг вопросов веры, знания и церковной жизни, становятся руководством, к которому постоянно прибегают самые разнообразные люди вплоть до нашего времени. Известно, что на Западе некоторые его взгляды были использованы для обоснования и защиты папских заблуждений, но это не снижает его значения, как учителя Православной Церкви. Наиболее выдающимися и известными из его творений являются его «Исповедь» и сочинение «О граде Божием». В нем, в ответ на обвинение язычников, что причиной

завоевания Рима варварами явилось христианство, повлекшее отступление от древних богов, блаж. Августин раскрывает пути Божии в судьбах человечества и показывает построение на земле града Божия. Это сочинение — первая попытка охватить историю человечества с единой религиозно-философской точки зрения. В «Исповеди» блаж. Августин дал историю обращения своей души к Богу, описал тот путь, по которому она, через уклонения и падения, была приведена к истинной вере Христовой. Приведем из этого произведения отрывки, чтобы познакомить читателя с тем возвышенным настроением автора, с которым она написана.

«Велий еси, Господи, и хвален зело, велия сила Твоя и разума Твоего несть числа. Человек хочет хвалить Тебя, часть Твоего создания... Ты внушаешь ему сладость хвалы Твоей, ибо по Себе сотворил нас, и в тревоге сердце наше, пока не успокоится в Тебе... Боже мой, жизнь моя, сладость моя святая!.. Тесен дом души моей, чтоб Тебе войти в него: Ты Сам расширь его. В развалинах он: пересоздай его. Есть в нем от чего помрачиться Твоему взору, но кто очистит его, кроме Тебя?..

Что может быть жалостнее жалкого человека, когда он, сам, не жалея себя... не оплакивает свою смерть, смерть оттого, что нет у него любви к Тебе, Боже, свет сердца моего, и хлеб насущный души моей, и сила, связующая дух мой и недра моего помышления!.. (Так и я) предавался суетным занятиям и уходил далеко от Тебя, Боже мой... Но не до конца оставляешь нас, и ныне исторгаешь Ты из бездны последней ищущую Тебя душу, жаждущую сладости Твоей и сердцем к Тебе зовущую...

О, Господи, аз раб Твой и сын рабыни Твоея. Растерзал еси узы моя, и о том пожру Тебе жертву хваления... Ты, Господи, благий и милостивый, презрев в глубину мою смертную, десницею Твоею извлек из глубины сердца моего бездну развращения... Как сладко мне стало вдруг быть без мирских сладостей, и чего страшился я лишиться, то отвергнул в радость себе. Ты изгонял их от меня, истинная и совершенная сладость; изгонял и входил вместо них Сам, и явился сладостнее всякой чувственной радости, светлее всякого света и всякой тайны сокровеннее, превыше всякой почести... И стал уже свободен дух мой от острых забот честолюбия и приобретения и постыдного похотного желания, и к Тебе обратился лепет сердца моего, свет и богатство, и спасение мое, Господи, Боже мой.

Узавил Ты сердце мое любовью Твоею, пронзил его словесами Твоими глубоко, и примеры слуг Твоих, коих из мрака просветил Ты сиянием света и от смерти к жизни возвел, пребывая в душе у меня непрестанно, воспаляли ее, окрыляли от тяжести и лени, не давали спускаться в низкие места...

Я научился уже гневаться на свое прошедшее, да престану согрешать... И там, где, уединившись в себе, предавался я этому гневу и мучился совестью, где приносил в жертву Тебе ветхого человека и в уповании на Тебя мысленно полагал начало своему обновлению, — там Ты начинал улаживать меня и в сердце мое посылал радость. И уже не желал я умножать себе земные блага, но, поглощая время, сам поглощаем был временем, в простоте вечности вкушая новую пшеницу, и вино, и елей новый. Как мне вспомнить эти дни праздничной моей свободы! Не забуду я их, и не умолчу, как тяжело было наказание Твое, и как дивно ускорило ко мне Твое милосердие!.. (Впрочем) и вера не принесла еще мне мира о прошедших грехах моих, доколе не получил я отпущение их в крещении Твоем.»

Приведенные слова покаяния и благодарения близки каждой христианской душе, неоднократно испытывавшей в своей жизни милости Господа, Который извлекал ее из греховной погибели, очищал ее согрешения и возводил к свету и непорочной радости. И потому «Исповедь» блаж. Августина, несмотря на то, что она была написана более полутора тысяч лет назад, никогда не потеряет значения, как образец того превращения, которое совершает христианство в каждом отдельном человеке.

ЦЕРКОВНАЯ ПРОПОВЕДЬ

АПОСТОЛЬСКИЕ УРОКИ

Слово, сказанное в день святых апостолов Петра и Павла
в Преображенской церкви г. Москвы

Мы прославляем сегодня великих, духоносных, богопросвещенных апостолов Христовых Петра и Павла. Они — первоверховные в ряду других святых апостолов.

И когда мы взираем на них своими духовными очами, мы с благоговением преклоняемся перед величием их апостольского подвига. Они — исполнители воли Божией: «Идите, научите все народы» (Мф, 28, 19). Они — пламенные проповедники слова Божия, непоколебимые, мужественные борцы за правду Христову, не боящиеся ни побоев, ни самой смерти мученической, которую оба претерпели — по древнейшему преданию — в сегодняшний день. Апостол Петр был распят, апостол Павел — усечен мечом.

Казалось бы, нам, грешным, слабым и малым, нечему учиться у святых апостолов, а остается только прославлять их исключительный подвиг во имя Христова, ибо мы все живем в мирной обстановке и каждый из нас в мире исполняет то свое малое послушание, какое Господь возложил на него.

Но, мои дорогие, мы можем и должны многому учиться у этих великих апостолов: не только по их посланиям, отрывки из которых читаются за каждой Божественной литургией, но непосредственно по их подвигам, их добродетелям; учиться, как надо свою бессмертную душу беречь от греховных искушений, украшать ее духовной красотой, чтобы предстать перед Лицом Божиим верным чадом своего Небесного Отца.

И апостол Петр был человеком. Когда Господь Спаситель накануне страданий простался со Своими учениками на Тайной вечери, когда Он говорил ученикам о том, что их ждут соблазны, скорби и искушения, апостол Петр воскликнул: «Если и все соблазнятся о Тебе, я никогда не соблазнусь». А Господь ему ответил — и все вы знаете эти слова Христовы: «Истинно говорю тебе, что в эту ночь, прежде нежели пропоет петух, трижды отречешься от Меня» (Мф. 26, 33—34).

И вот в утро пятницы, когда избитый, измученный Спаситель по человечеству Своему нуждался в ободрении и утешении и когда преданность апостола Петра и верность его в любви могли дать это утешение, — в эти минуты апостол Петр на слова служанки: «И ты был с Иисусом Назарянином», трижды отрекся от Него из страха: «Не знаю Человека Сего, о Котором говорите» (Мрк. 14, 67—72). Отрекся с клятвой, отрекся трижды!

Вот глубина падения апостола Петра, еще не обновленного благодатью Святого Духа! Он еще был обыкновенным человеком с его немощами, с его слабостями, и пал.

Скорым было его восстание. Лишь только Господь Спаситель в эти минуты кротко взглянул на апостола Петра, «вспомнил Петр слово, ска-

занное ему Иисусом», почувствовал всю тяжесть совершенного им греха и «плакал горько», как говорит святой евангелист (Мф. 26, 75). Этот плач о своем грехе, всегда спасительный для каждого грешника, привлек милосердие Спасителя. Покаявшегося Своего апостола Господь простил и восстановил в апостольском достоинстве, из которого он, отрекаясь от Господа, сам ниспал своим грехопадением.

Вы слышали за молебным пением евангельские слова о том, как Спаситель, явившись по Воскресении, трижды спрашивал апостола Петра: «Любишь ли ты Меня?» И, получая его пламенные ответы: «Ты знаешь, что я люблю Тебя», трижды сказал ему: «Паси агнцев Моих, паси овец Моих» (Иоан. 21, 15—17). Господь поручил ему пасти словесное стадо, быть исполнителем Его Божественной воли и устроителем Святой Церкви Христовой на земле.

И уже прощенный святой апостол Петр, как говорит древнейшее предание, продолжал вспоминать о своем тяжком грехопадении, и каждую ночь, как только слышал пение петуха, пробуждался, вставал на молитву, и слезы скатывались из его глаз. Под глазами его образовались две борозды от этих слез.

Дорогие мои, а разве мы не отрекаемся от Господа? Разве не исполнять заповеди Божии — это не значит отречься от своего Спасителя?

Ведь все мы, устами наших восприемников, обещали в святом крещении сочетаться Христу, жить со Христом и многократно повторяли это обещание быть верными своему Господу, когда приносили покаяние и приступали к святой Чаше Христовой!

И если мы остаемся жить грязными, продолжаем носить злобу, осуждать, злословить, гневаться, произносить черные слова, осквернять себя блудом, не исполняя воли Божией о том, чтобы уста и сердца беречь от всякой скверны, разве мы этим не изменяем Господу своему?

И пусть пример апостола Петра, быстрого осознания им своего грехопадения и слезного его покаяния, вдохновляет и нас слабых, немощных, ежеминутно впадающих во грехи, видеть свои согрешения и уметь о них плакать перед Лицом Того, Кого мы оскорбляем своеволием.

Вот перед нами святой апостол Павел. Он назывался до обращения Савлом. Вы знаете, что он был гонителем христиан. По слепой ревности о соблюдении иудейского закона он преследовал христиан, участвовал в гонениях на них, в заключении их в темницы. А когда прозрел своими духовными очами, после совершенного с ним чуда явления Господа, и когда стал апостолом Павлом, он превзошел прочих апостолов своей ревностью в исполнении апостольского подвига.

Сколько раз он принимал удары палками, камнями, темничные заключения, претерпевал кораблекрушения! Но ничто не останавливало его в его пламенной проповеди о Господе, Которому он отдался всей душой. Везде и всюду, куда он ни приходил в своих путешествиях, он открывал уста и проповедывал имя Божие. Когда его гнали, он переходил в другой город, ни один день не оставаясь в отдыхе, всего себя до последних сил отдавая делу прославления имени Божия. И стал он великим, и стал первоверховным, и стал славным апостолом Христовым, перед именем которого благоговеет вся православная земля, имя которого, как и имя апостола Петра, будет до конца века превозноситься и прославляться в Святой Христовой Церкви.

И вот послушайте, дорогие, собственные слова этого великого из апостолов Павла: «Бедный я человек! Кто избавит меня от сего тела смерти?» (Римл. 7, 24). «Я недостойн называться апостолом, потому что гнал Церковь Божию» (1 Коринф. 15, 9). Постоянно памятовал он о том, что в дни молодости совершил тяжкий грех, участвуя в гонении на христиан; это воспоминание жгло его душу и тогда, когда многими своими трудами во имя Христово он уже был славен по всей тогдашней земле.

Учитесь смирению у святого апостола Павла! Он ни во что ставит все свои подвиги во имя Христово, всю свою славу, при воспоминании о своем грехопадении.

Нужно, чтобы каждый из нас видел многие свои скверны, был смиренным перед Лицом Господа, сознавая себя грешником и послушником воли Божией. Нам нужно быть смиренными и друг перед другом, ничем не превозноситься один перед другим, хотя, может быть, и были бы какие-нибудь внешние земные для этого поводы, потому что грешен каждый из нас.

А во имя чего святые апостолы Петр и Павел несли свой тяжелый апостольский подвиг? Во имя любви ко Господу Спасителю и во имя любви к людям, ибо они проповедывали слово Божие, чтобы спасти людей, чтобы не погибли для вечности бессмертные души, но, пробужденные словами их проповеди, готовили себя для вечного блаженного Царства. Такова сила их любви к людям!

Святой Иоанн Златоуст говорит об апостоле Павле: «Я не найду слов, чтобы описать, какой любовью к людям пылало сердце этого великого апостола. Его любовь была шире океана, она была ярче и жарче любого огня». Он любил людей, как будто был отцом или матерью, родившими этих людей. Больше того, он был готов даже быть отлученным от Господа, только бы спаслись те люди, которым он проповедывал слово Божие. Пусть погибла бы его собственная душа, но спаслись бы те люди, которых он звал к спасению. Так говорил он сам!

Какая любовь! Каким пламенем исторгалась она из его горячего сердца, о котором он сам говорит, что в нем все вмещаются и никому не тесно, которое всех людей обнимало в себе, всех людей любило этой необычайной любовью. И эта любовь апостола, такое любящее его сердце поднимали его на недостижимую высоту величия и святости.

О, если бы, дорогие мои, хоть крупину такой любви друг ко другу имело сердце каждого из нас! О, если бы наша любовь друг ко другу, завещанная Господом, удерживала наши уста, наше сердце, наши шаги, наши руки и ноги от всяких скверн!

Ведь такая любовь спасает бессмертную душу для вечности, ибо Господь сказал, что заповедь о любви — наибольшая; кто ее исполнит, кто воспитает свое сердце в такой любви друг ко другу, тот исполнит весь закон Христов.

Смотрите еще. Господь Иисус Христос позвал апостола Петра идти за Собой в то время, когда он со своим братом ловил рыбу в Тивериадском море. Апостола Павла Господь позвал чудесно: сначала ослепив его с тем, чтобы прозрели его духовные очи, а затем даровав то духовное зрение, которым апостол Павел увидел свой грех и познал всю сладость быть слугой своего Господа Спасителя.

И нас с вами Господь призывает к Себе разнообразными путями: и тихим голосом Своим, которым Он говорит в совести каждого из нас, и чудесными явлениями, и особыми событиями в жизни нашей.

Нередко, неожиданно для нас самих, мы ощущаем тихий голос Божий: «Опомнись, одумайся, ты стоишь на краю греховной пропасти, а смерть стоит недалеко от тебя».

Иногда Господь потрясает нас каким-либо особым событием, чтобы обратить к Себе, чтобы напомнить нашему грешному сердцу о том, что Господь над нами и что мы все идем к порогу смерти, переступив который, войдем в жизнь вечную.

Разве мы не знаем, как бывшая война всколыхнула многих слабых верой или вовсе не имевших веры!

Иного Господь поразит скорбью, чтобы в этой скорби вспомнил человек о том, что он перед Господом грешен, что он отошел от Господа, и Господь хочет его этой мерой разбудить от того духовного сна, в котором пребывал человек до своего горя.

Разными путями Господь зовет к Себе. Но цель зова — и того, которым позвал Он апостолов Петра и Павла, и того, которым Он говорит с каждым из нас, — одна: увлечь нас идти за Собой до конца наших дней на земле.

Господь зовет к вечному спасению, к какому звал, проповедуя волю Божию, и святой апостол Павел, когда говорил в своем послании: «Со страхом... совершайте свое спасение» (Филипп. 2, 12). Об этом проповедывал и святой апостол Петр на площадях и в храмах, в домах и на улицах потому, что Господь повелел апостолам: «проповедывать Евангелие всей твари» (Мрк. 16, 15).

Еще взгляните на святых апостолов. Апостол Петр — семейный, у него были дети, с ним жила теща. Святой апостол Павел был девственником. Апостол Петр был простецом, апостол Павел был образованным человеком. Перед Господом все равны. Господь привлекает к Себе и ученого, и простеца, и семейного, и неженатого.

И мы все с вами, различные по внешнему положению, по возрасту, все — одинаковые дети своего Небесного Отца. Все мы имеем бессмертную душу, спасти которую зовет нас Спаситель, зовут нас святые апостолы.

Я — архиерей, вы — миряне. Каждый из нас несет свой тот или другой земной труд: одни — в семье, другие — в работе; одни из нас старые, другие — молодые. Но, как говорится в одном из священных надгробных песнопений: все мы предстанем в равном достоинстве перед Лицом нашего Небесного Отца. У каждого из нас наш Небесный Судия и Отец спросит только о том, как он прошел свой земной путь, как он спасал свою бессмертную душу, внимал ли он тому голосу, которым Господь зовет его из бездны греховной к спасению вечному, и отозвался ли он на этот голос.

Этому делу спасения людей посвятили себя святые апостолы Петр и Павел. И мы, мои дорогие, в их светлый праздник, в день их мученической кончины, услышим в сердце своем те призывы их к вечному спасению, к вере крепкой, к любви истинной, нелицемерной, к чему они звали словесное стадо в дни земного подвига и к чему продолжают звать всех нас через свои послания.

И мы, грешные и слабые, опираясь на их молитвы, будем идти по земному своему пути с постоянной памятью о священном долге, лежащем на каждом из нас: быть достойными детьми и учениками нашего Спасителя.

Митрополит Николай

ОБРАЩЕНИЕ ВСЕМИРНОЙ АССАМБЛЕИ МИРА

Впервые за 10 лет, благодаря усилиям общественного мнения, в условиях раскола мира встретятся Главы четырех великих держав. На них возлагает надежды человечество. Первый долг их — преодолеть взаимное недоверие.

Всемирная Ассамблея Мира, объединившая представителей 68 стран, создала уверенность, что, несмотря на глубокие разногласия, несмотря на различие взглядов, соглашение по ряду важных вопросов может быть достигнуто и уже сегодня многие проблемы можно разрешить путем переговоров.

Мировое общественное мнение восстало против политики силы, против военных блоков, гонки вооружений и грозной опасности атомной войны. Женевские соглашения, окончание войны в Индо-Китае, Бандунгская конференция, нейтралитет Австрии, закрепленный договором, белградская Декларация — все это плоды пробуждения общественного мнения, которое нашло выражение в позиции правительств.

По проблеме разоружения и атомного оружия, которая до сих пор оставалась нерешенной из-за непреодолимых противоречий, точки зрения сблизились настолько, что соглашение является лишь вопросом доброй воли.

По проблеме безопасности принципы, принятые конференцией в Бандунге, показали, что на целом континенте мирное сотрудничество между странами с различным общественным строем может быть основано на таких понятиях, какие были провозглашены Китаем и Индией.

Ассамблея в Хельсинки показала, что, если Совещание четырех держав будет считаться с общественным мнением, оно явится первым этапом построения такой Европы, в которой будет обеспечена безопасность всех европейских государств, и эти государства вступят на путь тесного экономического и культурного сотрудничества. Такое построение связано с воссоединением Германии вне всякой военной коалиции, Германии, гарантированной от возрождения милитаризма.

В соответствии с этим духом Совещание четырех держав должно подготовить путем переговоров вывод иностранных войск с китайского острова Тайвань (Формоза). Совещание должно проследить за строгим соблюдением Женевских соглашений об Индо-Китае. Оно должно дать Организации Объединенных Наций возможность обрести подлинно всемирный характер, включив в свой состав Китайскую Народную Республику.

Но есть еще силы, которых устраивает холодная война, и они противодействуют сближению четырех великих держав. Ассамблея в Хельсинки призывает общественное мнение всех стран мира воспротивиться этим силам и поддержать участников переговоров.

Дело мира увенчается, наконец, успехом, если миролюбивые силы, ставящие перед собой одни и те же цели, в частности различные движения в защиту мира, крупные политические организации христианского и

социал-демократического направления, объединят свои действия, чтобы рассеять недоверие и отстоять мир.

Шаг за шагом можно разрешить международные противоречия, и тогда осуществляются надежды народов.

«Правда», 1955, № 181.

СЛОВО ХРИСТИАНСКОЙ ЛЮБВИ

В историю послевоенной борьбы Русской Православной Церкви за мир день 8 мая 1955 г. войдет как дата знаменательная. В этот день было опубликовано.¹ «Заявление Патриарха Московского и всея Руси Алексия» по поводу предстоящей 22 июня в Хельсинки Ассамблеи представителей миролюбивых сил всего мира.

Уже само понятие всеобщности, всемирности, принадлежащее великому собранию, исключает в его действиях какую-либо односторонность, предвзятость, пристрастность. Первосвяtitель нашей Церкви и указывает, что в действиях этих невозможно будет проводить политику какой бы то ни было группировки, организации, партии, отдельного государства или группы государств. Ассамблея ясно выразит волю к миру всех народов, всех людей, вне зависимости от признаков, разделяющих их в остальной жизни.

Отметив, что всякому религиозному и в особенности — по самой сути его — христианскому мировоззрению должно быть свойственно стремление к миру и утверждению его между людьми, Святейший Патриарх подчеркивает, что об этом «нельзя забывать христианским народам и тем более христианским правительствам некоторых стран». Глава Русской Православной Церкви сообщил, что она «приветствует и благословляет всеобщее стремление народов к миру и радуется каждой возможности приблизить его к людям».

В сложнейшей обстановке нашего времени, когда вопрос мира приобретает огромное, основное значение, когда он становится вопросом жизни или смерти, когда создавшееся положение для многих представляется трагически-безвыходным, по словам Святейшего Патриарха: «Наша мысль особенно возносится к Тому, Кто примирил на Голгофе весь мир с его Творцом, Кто оставил людям заповедь о любви и сказал: «Блаженны миротворцы...»».

С мудрой проницательностью наш Первосвяtitель говорит дальше с том, что все люди желают мира, но «не все знают, как его достигнуть». В самом деле, можно ли сомневаться в честности и искренности тех десятков и сотен тысяч простых людей, которым желанен и дорог мир, но которые от безошибочных движений сердца злыми силами уводятся к ухищрениям непросвещенного разума, на ложную дорогу искусственных домыслов, безответственных измышлений и темных наветов. Святейший Патриарх указывает таким людям единственно верный выход из их томительного состояния — объединить их одиночные, разрозненные, раздробленные усилия в стремлении к миру. Его Святейшество выражает уверенность в том, что Всемирная Ассамблея «выразит непреклонную волю народов к миру, внушит ее правительствам всех стран».

В последние годы ряд миролюбивых государств заключил между собою договоры, построенные на новых, не существовавших раньше, основаниях. Никакой договор, в котором права договорившихся не равны, не может быть прочным. Он не только таит в себе пагубные семена будущих разногласий и раздоров, он безнравствен. И наоборот, договор, построенный на началах равноправия, невмешательства дого-

¹ «Известия» № 108(11797) от 8 мая 1955 г.

варивающихся в их внутренние дела, их взаимоуважения, доброжелательства и взаимной пользы,— долговечен, крепок, надежен и вполне отвечает требованиям нравственности. Святейший Патриарх уверен в том, что грядущая всенародная встреча «покажет те нравственные основы, на которых должны быть построены международные отношения».

Святейший Патриарх полагает самым важным условием для начала добрых отношений между всеми народами их взаимное доверие. «Вратами доверия» образно именует Святейший Патриарх выход истомившегося человечества из душных стен сегодняшней действительности. «Только вратами доверия,— утверждает он,— можно выйти на путь братских отношений между народами, только успехи в духовном единении человечества могут приблизить к нам эру всеобщего мира».

А. Ведерников

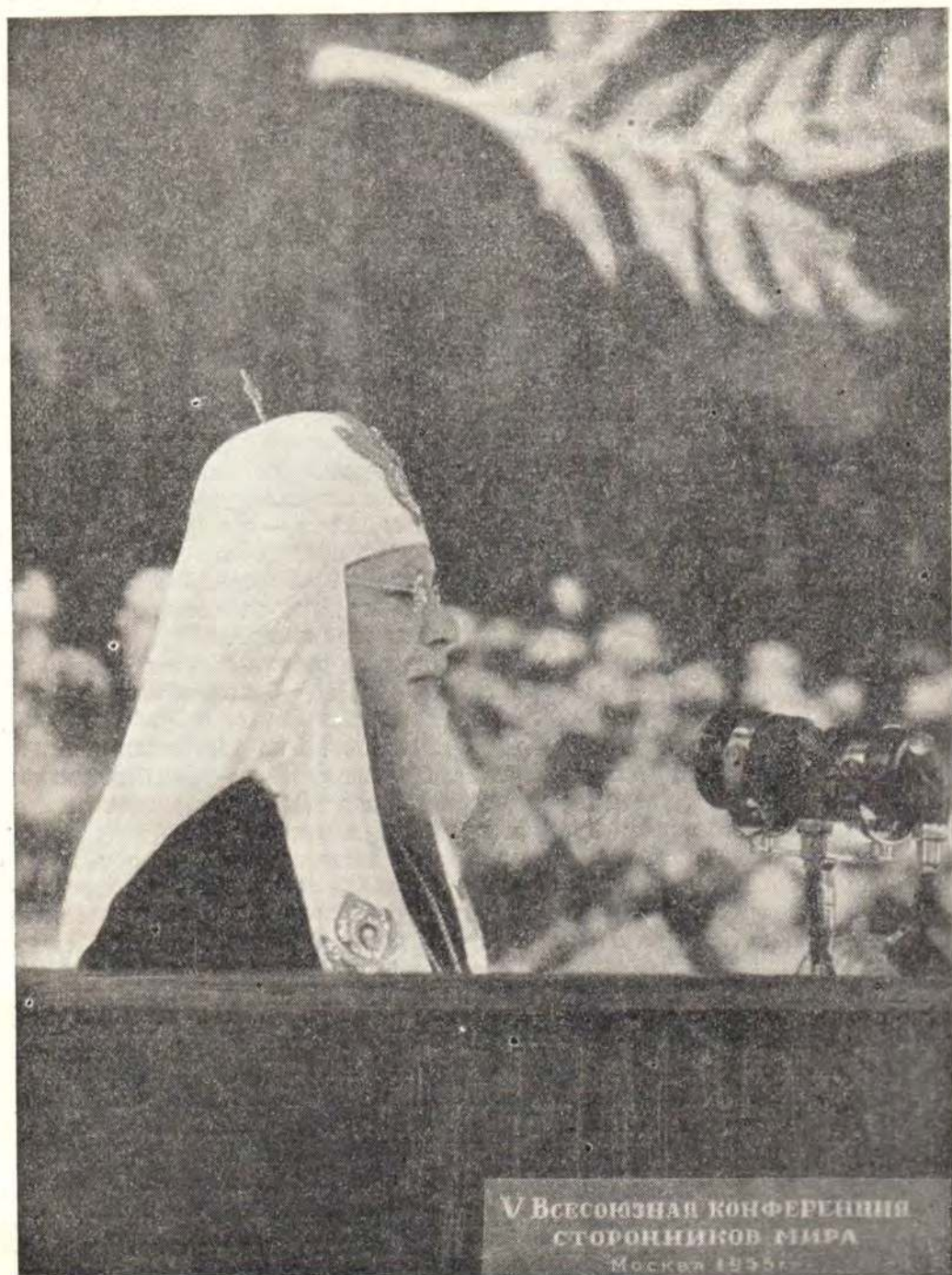
ВСЕНАРОДНОЕ СОБРАНИЕ

Одно из лучших старых зданий столицы — Дом Союзов. Блистательный Колонный его зал. Эмблемы мира, девизы, великое множество живых цветов, высоко взнесенный стол Президиума, занятый до последнего места партер, переполненные хоры, дробящийся в хрустале и отражаемый белым мрамором сильный свет,— все особенно торжественно в эти дни — дни Пятой Всесоюзной конференции сторонников мира.

В перерывах между выступлениями по нарядным просторным кулуарам медленно движутся группы делегатов. Грудь многих из них украшена звездочками Героя Советского Союза и Героя Социалистического Труда, золотыми и серебряными медалями лауреата Сталинской премии и иными высокими правительственными наградами... Многие народы, населяющие земной шар, имеют своих сородичей в составе многоплеменного Советского Союза, и при виде вот этих людей, одетых в разнообразные национальные костюмы, под звуки разноязычного говора невольно думаешь о том, что событие внутригосударственного характера принимает значение международное, всемирное. Узбеки и латыши, казахи и армяне, азербайджанцы и белорусы, чабаны высокогорных пастбищ и подмосковные ткачи, карело-финские лесорубы и крымские виноделы, дальневосточные рыбаки и таджикские хлопководы, каспийские нефтяники и эстонские мебельщики, таежные охотники и сборщики чая на колхозных плантациях Грузии — посланники всех шестнадцати республик страны, протянувшейся от Охотского моря до Калининграда и от Северного полюса до жаркой древней Колхиды, сошлись под сводами величественного белоколонного зала. Лучшие сыновья и дочери своих народов, полномочные их представители, авторитетные выразители их интересов и чаяний, они собрались здесь, в центре великой страны, для того, чтобы не просить тех, кому не нравится, кому мешает их честный труд, а предупредить их, что не только бесполезно, а может стать и опасным для них стремление помешать этому труду, нарушить основное условие для его продолжения — мир.

Больше тысячи делегатов участвуют в Конференции. Ученые и комбайнеры, композиторы и рабочие, ветераны войны и деятельницы женских организаций, писатели и каменщики, сталевары и президенты Всесоюзной и республиканских академий наук расположились в партере и за столом Президиума. За этим почетным столом выделяются серебряно-белый куколь Первоиерарха Русской Православной Церкви, Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия и белый клобук Митрополита Крутицкого и Коломенского Николая.

Председательствует глава Советского комитета защиты мира Н. С. Тихонов. С докладом о борьбе народов в защиту мира выступает писатель А. Е. Корнейчук. Речи делегатов после доклада взволнованны,

V ВСЕСОЮЗНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
СТОРОННИКОВ МИРА
Москва 1955г.

ВЫСТУПЛЕНИЕ СЯТЕЙШЕГО ПАТРИАРХА АЛЕКСИЯ
НА V ВСЕСОЮЗНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ СТОРОННИКОВ МИРА

полны глубокого смысла и ответственности, понимания всей опасности, нависшей над миром, и уверенности в том, что нет, не может быть в мире воли и силы большей, чем воля и сила народов, жаждущих и требующих мира.

«Мы не хотим войны! Пусть для всех народов светит с неба мирное солнце, льется на землю благодатный урожайный дождь, а не сыплются черные бомбы. За это мирное небо мы будем бороться», — говорит бригадир тракторной бригады Емельяничук, работающий на целинных землях. И, переключаясь с ним, участник встречи на Эльбе, отметивший в эти дни вместе с прибывшими из Америки друзьями-соратниками десятилетие со дня этой славной встречи, И. Самчук заявляет: «Как офицер, я в запасе, но как борец за мир — на действительной службе, в строю». Академик Соболев приветствует участников Конференции от имени Московского государственного университета, этого старейшего рассадника отечественного просвещения, в нынешнем году отпраздновавшего 200-летие своей благородной, глубоко мирной деятельности.

Народная артистка Таджикской ССР Ханифа Мавлянова рассказывает о том, как ее родина из глухой, темной, бедной колониальной окраины превратилась в цветущую, богатую, просвещенную и свободную страну, и, обращаясь к женщинам Востока, говорит: «Пусть ветер, пролетающий над родным Таджикистаном через горные хребты и равнины, донесет до их сердец эти слова — слова простой советской женщины. Как я могла оказаться на этой трибуне? Какая сила дала мне право говорить с такой высоты?» И, указав, что сила эта — в мирном братском единении всех народов великой страны, всего советского народа, заключает: «Кто злой, ненавидящий людей, выдумал, что такой народ хочет войны? Только слепец или человек, потерявший разум, может не видеть, что мир, счастье, труд — вот то, к чему мы стремимся».

Обращение еще одной советской женщины привлекает к себе внимание аудитории. Это — работающая сейчас на Воронежском заводе радиодеталей, прославленный летчик во время Великой Отечественной войны, Герой Советского Союза Константинов. Она заявляет:

«Может быть, память подскажет безответственным поджигателям войны, как един и сплочен, как грозен бывает наш народ, когда на его мирную жизнь замахивается рука врага мира и свободы!»

Председатель колхоза и архитектор, седовласый профессор и юный студент, новатор производства и домашняя хозяйка, начальник дрейфующей полярной станции и тракторист — все выражают непреклонную волю советских людей к миру. Но не только они одни... На Конференцию прибыли в качестве гостей известные зарубежные деятели мира из Китая и Японии, Франции и Германии, Латинской Америки, Бирмы, Сирии, Ливана. Особенно сильное впечатление производит выступление почетного председателя Общества сирот — жертв атомной бомбардировки г. Хиросима. Их несколько тысяч. Они написали письмо советским детям. Это послание маленьких страдальцев, расплачивающихся за человеческое безумие и жестокость, и оглашает их добрый посланник.

Различны по стилю, форме, мастерству речи участников Конференции, как не одинаковы и сами они по степени культуры, возрасту, одаренности, характеру, темпераменту. Но во всех их словах звучит любовь к Родине, жажда мира, призыв к справедливости, милосердию, братскому единению всех людей — к осуществлению тех высоких начал, которые лежат и в основе христианской морали. Эта общность нашла свое отражение в речи Святейшего Патриарха.

* * *

Выступление Главы Русской Православной Церкви имело место на второй день Конференции — на утреннем заседании 11 мая. Эта краткая

речь, которая при недостаточной к ней внимательности могла бы показаться «гладкой», спокойной, при предельной сжатости таит в себе исключительную силу, выразительнейшую точность и совершенную убедительность.

С радостью приветствуя участников всенародного собрания от лица Русской Православной Церкви, Святейший Патриарх указал на ее всемирную миссию мира, на ее постоянное стремление насаждать мир в сердцах всех людей — «в семье, в народе и между народами». Церковь неустанно молится о мире как о «постоянном спутнике нашей жизни, нашего труда и наших отношений со всеми близкими и далекими странами».

Его Святейшество отметил, что если миролюбие есть естественное свойство всего человечества, то враги мира стремятся ввергнуть его в порочный круг безвыходности. Недоверие и неприязнь, которые всемерно сеют они между народами, ведут к непрерывным военным приготовлениям, а усиливаемая этими приготовлениями угроза войны еще больше увеличивает смущение и неприязнь между людьми. Выход из этого круга находится только в одном — добиваться того, чтобы люди прозрели, поняли, что преимущество их не в физической силе, а в стоянии за правду, что «для укрепления мира гораздо важнее утверждать общность интересов, чем их различия, и гораздо полезнее достигать взаимности, вместо того, чтобы замыкаться в недоверии друг к другу».

Если для нехристианина решение вопроса о войне и мире есть дело его чести и совести, то защита мира для христианина вытекает из самых основ его религиозного мировоззрения и предстает перед ним как долг и необходимая обязанность. Указав, что большинство автокефальных православных церквей, а также протестантские объединения ведут борьбу за мир, Святейший Патриарх призвал «вообще всех христиан всего мира решительно и действенно вступить на путь этой священной борьбы». Единение всех сторонников мира и дружбы «между всеми народами земли Господней» Первосвятитель именует «благословенным единением», которое «изобличает бессилие тех, кто свои слова о мире вынуждены сопровождать угрозой применения силы».

Нашей Церкви чужда, вопреки утверждению ее врагов, политика в том смысле, в каком понимает ее человек Запада. Но она не может стоять в стороне от жизни. Ей не могут быть безразличны такие вопросы, как несправедливость и законность, насилие и свобода, жестокость и милосердие, богатство и бедность, сострадание и равнодушие, согласие и вражда, ложь и правда, зло и добро. Она лишь решает эти вопросы с особой, извечно ей свойственной, позиции. Она смотрит на жизнь и судит о ней как смотрел и судил Пастыреначальник, Христос Спаситель, как смотрел бы и судил бы Он о ней и сейчас. А Церковь знает, как Он смотрел бы и судил бы, она не может ошибаться, ибо оставлен ей бессмертный и точный Толковник жизни — Святое Евангелие. И не печаль Церкви, а радость ее в том, что власть светская, предрешающая, проводит в жизнь многие из тех высоких нравственных начал, которые всегда и неизменно она проповедывала и проповедует.

Так кратко сказал о Церкви в своем выступлении на Конференции наш Первосвятитель: «Русская Православная Церковь едина со всем нашим народом. Она всецело поддерживает миролюбивую внешнюю политику нашего Правительства не потому, что, как говорят наши недруги, она якобы несвободна, а потому, что эта политика справедлива и соответствует христианским идеалам, проповедуемым учением Церкви».

Опираясь на двойное в русском языке значение слова «мир» — и как вселенная и как спокойствие, — Святейший Патриарх, призвав небесное благословение на труды Конференции, пожелал ей «наиболее полно и убедительно выразить миролюбие нашего народа, который через священное слово МИР воспринимает вселенную, как мирное сожительство и

сотрудничество всех народов, как «единство духа» (Ефес. 4, 3) в борьбе за мир».

Выражением бодрости и уверенности в благодатном будущем — ибо если судьбы народов находятся в руках Божиих, то по воле Господа же добро неизменно торжествует над злом — закончилось это вдохновенное выступление.

В совершенной тишине, с напряженным вниманием слушало все-народное собрание речь Первоиерарха великой Церкви, с идеями и деятельностью которой во многом сливаются ныне благородные чаяния и стремления борцов за мир.

Р. Днепров

РЕЧЬ НА ВСЕМИРНОЙ АССАМБЛЕЕ МИРА

(Хельсинки, 26 июня 1955 года)

Дорогие друзья по защите мира!

Мы собрались на эту историческую Ассамблею в год памятных дат. Ровно десять лет назад, на пороге цветущего лета — 9 мая 1945 года и, вторично, на пороге многоплодной урожайной осени — 3 сентября того же года, дважды, сначала на Западе, а затем на Востоке, была запечатана и скреплена подписями страшная книга горя, смертей и разорения, именуемая войной.

Подписи, подтвердившие ее окончание, были двоякими. Это были подписи тех, кто выстоял, кто каждый день мечтал о мире, труде и жизни, не побоялся пойти на смерть за эти высокие идеалы... И это были подписи тех, кто вызвал к жизни самую войну, кто раскрыл первую страницу ее кровавой книги и кого раздавила и обесславила последняя тяжелая, как плита могильная неотвратимая, крышка ее обложки.

Провожая в область истории это послевоенное десятилетие, не радуемся ли мы его уходу и в то же время не стоим ли в недоумении перед двойственным фактом: с одной стороны, страшная книга войны как будто закрылась и погребла под собою ее виновников, а с другой — современный мир продолжает оставаться разделенным.

В самом деле — война давно окончилась, а мир все еще не заключен, и более того — на наших глазах, видевших бездну человеческих страданий, порожденных этой войной, опять возникают военные союзы, накапливаются запасы истребительного оружия, перестраивается на военный лад экономика целых стран, и народы оказываются перед угрозой еще более пагубного уничтожения, чем то, которое всего десять лет назад унесло свыше пятидесяти миллионов человеческих жизней.

Настоящая Ассамблея представителей всех миролюбивых сил является живым свидетельством того тревожного настроения, которое переживают все народы. Мы знаем, что за последнее время появилось много причин, питающих эту тревогу: узаконено атомное оружие и положено начало возрождению милитаристского государства в самом центре Европы; разрушено содружество стран, победивших агрессора в прошлой войне, а этот агрессор сделан участником Северо-атлантического блока; кроме того, возникло напряженное положение в районе Тайваня, а также усилилась гонка атомных вооружений. И каждый из этих поводов, не говоря уже о других, способен внезапно превратиться в *casus belli*.

Все эти факты приходится рассматривать как признаки недобрых настроений тех, кто, несмотря на открытые пути к мирному разрешению международных разногласий, продолжает вести свою политику с «позиции силы».

Но, к счастью, никак нельзя признать это положение безвыходным или трагическим, ибо огромное большинство людей совершенно уверено в возможности иного, мирного, исхода всех международных коллизий.

Подтвердить эту возможность, сделать ее очевидною для руководителей всех стран и должна наша Ассамблея. Ей надлежит не только выразить волю народов к миру, но и наметить кратчайшие пути к нему, как они представляются здравому смыслу в союзе с нравственным сознанием большинства людей.

Дорогие друзья! Я говорю сейчас от лица Русской Православной Церкви, которая благословляет добрые побуждения, соединившие в этом собрании представителей миролюбивых сил всего мира, и молится о том, чтобы наши труды увенчались успехом.

Здесь присутствуют представители многих течений в защиту мира, и я в качестве представителя Церкви не выполнил бы своего долга, если бы не сказал о том, какой путь к миру она указывает людям. Созидая «единство духа в союзе мира» (Послание к Ефесеянам 4, 3), Церковь Христова непрестанно стремится к тому, чтобы каждый человек стал носителем мира, проникся миром, и тогда общества и народы, составленные из мирных людей, станут безусловно мирными.

Но так как далеко не все люди на земле возвысились до этой истины, то естественно, что в большом числе человеческих душ вместо мира царит беспокойство, вместо любви — недоверие, даже вражда к ближнему, и вместо уверенности — тревога за каждый наступающий день.

На вопрос — уступает ли нам свои позиции зло войны? — нужно прежде всего сказать, что, стремясь к миру, мы еще не все согласно действуем в его пользу. А между тем международная обстановка такова, что разрозненные действия могут оказаться для дела мира малопродуктивными. Очевидно мы и собрались на эту Ассамблею с той целью, чтобы прийти к общему суждению об угрозе войны и затем объединить против нее свои действия.

Мне кажется, что первым шагом в этом направлении могло бы явиться наше единство в вопросе об атомном и всяком ином оружии массового уничтожения. Требуя запрещения атомного, водородного, химического и бактериологического оружия, мы, христиане, утверждаем, что это запрещение не может строиться на одних правовых нормах: надежность запрета должна быть, по нашему убеждению, обеспечена не только принудительными мерами, но нравственными основаниями.

Иначе говоря, все люди, вместе с христианами, должны понять, что атомная бомба есть нечто более страшное, чем средство физического уничтожения. В действительности угроза этим оружием является порождением человеческой гордости и замысла о порабощении народов, — оно есть вещественный эквивалент отрицания такого порядка жизни, когда сильный помогает слабому, жертвуя своей силой, богатый свободно делится своим достатком с неимущим во имя его достоинства, а здоровый самоотверженно служит больному. Иначе говоря, атомное и подобное ему оружие можно смело квалифицировать как средство разрушения нравственного строя жизни.

А мы веруем, что жизнь нераздельна с любовью, и потому хотим жить не только сегодня, но и на следующий день, когда нам снова хотелось бы видеть того, кто любит нас и кого мы сами любим и с кем желали бы быть вместе. И не только завтра нам хочется жить, но и вечно, ибо мы любим и любимы сами Тем, Кто создал нас и самую жизнь.

Вот почему должна быть противна человеческому сознанию самая мысль о применении атомного оружия! Вот почему закон о запрещении этого оружия должен стать одной из основ международной жизни!

Что же требуется для достижения этой великой цели? Не единство ли наших действий в защите мира? И можем ли мы прийти к единому пониманию современного международного положения?

Мы, разумеется, не ставим задачей практически решать здесь международные проблемы, но мы имеем возможность указать способы их мирного решения. И вот один из этих способов: если начать с запрещения атомного оружия, то военные союзы, разделяющие сейчас человечество, станут ненужными. И при любых условиях — сохранение существующих и создание новых замкнутых блоков может только подрывать доверие между народами, усиливать гонку вооружений, всегда трагическую по своим последствиям, и увеличивать опасность войны.

Безусловно необходим только один союз, могущий объединить все страны и все народы в целях коллективного ограждения друг друга от возможного агрессора. Этот принцип круговой поруки, когда все стоят за одного и один за всех, должен быть возведен в международный закон, который совершенно исключит гонку вооружений и откроет замечательную перспективу сотрудничества народов при полной их свободе и национальной независимости. Поэтому всеми мерами необходимо внедрять в международную политику идею коллективной безопасности, требуя переговоров и соглашений в интересах всеобщего мира.

Но самое важное заключается в том, чтобы все представленные здесь течения в защиту мира одинаково понимали сущность того, что сейчас происходит в мире, и согласились действовать сообща, добиваясь только мирного разрешения всех международных проблем.

*
* *
*

Дорогие друзья! В этот ответственный момент, когда поставлен вопрос о едином фронте всех миролюбивых сил против военной угрозы, мне, как представителю Русской Православной Церкви, защищающей мир во всем мире в течение всех последних лет, хочется обратиться к тем христианам, которые еще не проявили должного единодушия в защите мира.

Братья христиане! Я должен сказать, что наша ответственность за мировой кризис очень велика, потому что мы слишком часто молчали там, где нужно было возвышать свой голос. За это нам следует осудить себя словами ветхозаветного пророка: «Согрешили мы, поступали незаконно, действовали нечестиво, упорствовали и отступили от заповедей Твоих и от постановлений Твоих» (Даниила 9, 5).

Теперь, когда на человечество готов обрушиться ураган ненависти, не в наших ли силах воспротивиться воинственным замыслам тех людей, из которых многие считают себя христианами? Ибо позиция, какую займут христиане в современном конфликте, не может не оказать влияния на то, станут ли различные группы народов бороться друг с другом или найдут верную основу для примирения и взаимопомощи.

В чем же наш долг, кроме единства, заповеданного Евангелием? Очевидно, в том, чтобы, веруя в Бога, иметь доверие к людям, проповедуя любовь, питать ее к ближним и, обладая миром Христовым, подавать пример миролюбия.

В приложении к насущным нуждам нашего времени эта программа христианского действия раскрывается как духовная основа мирного существования. И это весьма значительно, если иметь в виду христианский долг хранить мир во всех обстоятельствах жизни.

Так, преграждая путь атомной войне, нам нужно настаивать на таком употреблении атомной энергии, которое в состоянии уменьшить в мире нищету, голод и болезни. Конечно, этот шаг требует, прежде всего, любви к людям.

Замена военных союзов системой всеобщей безопасности тоже предполагает взаимное уважение интересов друг друга, которое никак не может быть связано с чувствами вражды и ненависти. Даже расчет на

равную безопасность должен иметь под собою нравственное расположение относиться к ближнему, как к самому себе.

Можно сказать, что любое условие мирного сосуществования, будь то уважение независимости и суверенных прав каждого народа, или сокращение вооружений, или метод переговоров и взаимных уступок, совершенно немислимо без того внимания к нуждам друг друга, которое в своем источнике означает побуждение помогать ближнему, жертвовать своим избытком для его блага.

Ту же нравственную природу имеет и взаимное доверие, столь необходимое в международном обиходе. Оно коренится в нравственной склонности человека видеть у своего ближнего не худшие, а лучшие его свойства, на которых и должны строиться взаимоотношения людей и народов.

Раскрывая таким образом духовные основы мирного сосуществования, мы, христиане, должны призвать на помощь всю силу христианской любви, чтобы создать новое нравственное соглашение, которое обнимет собою весь человеческий мир и приведет его к сознанию духовного единства.

В полной уверенности, что это возможно, что христиане Запада и Востока скажут свое веское слово в защиту мира, и не только скажут, но и осуществят его на деле, я прозреваю наступление эпохи, когда действием доброй воли и человеческой солидарности грубая сила со стыдом покинет свой трон, и все люди станут свободными от страха войны.

О, никогда не устанут, не померкнут, не потеряют своей властно-светлой силы простые слова о мире! Сколько в них любви, сколько веры в человека-друга, сколько заботы о подобном тебе, равном тебе! Шесть лет назад впервые прозвучал призыв лучших представителей человечества к миру, к единению всех людей перед лицом надвигавшейся беды. Это — голос человеческой совести, возмущившейся неправдой, и голос самой бессмертной жизни. Все шире, настойчивее, властнее прокатывается он по планете и будит все новые миллионы сердец.

Представим себе, что и мы только что услышали призыв к миру, что впервые прозвучали для нас слова великой мудрости, человечности, любви, сочувствия и сострадания, дивные слова заботы о всечеловеческом братстве. Как же хочется, представив себе это, обратиться к тем, кто еще стоит на перекрестке, до кого еще не дошли полностью эти вещие слова, чья душа еще не раскрылась подобно благоуханному цветку навстречу этим словам-лучам! Как хочется сказать им во весь голос: — Люди! Братья!

Мы — дети разных стран, но по одной земле ступают наши ноги и одно солнце светит нам всем, никого не обделяя в своей щедрости. Условно все, что стоит между нами, — законы, строй жизни, обычаи, нравы. И огромно, вечно и полно радости все, что дано нам в совместный удел.

Наш общий враг, зверь войны, не уничтожен! Дадим ли ввергнуть себя в бездну самоистребления, допустим ли преступную растрату общих сил, которые так нужны нам в борьбе с другим общим, еще не до конца покоренным, врагом — стихиями?

Разумно ли построить дом и сжечь его, вырыть пруд и засыпать его, посадить цветы и вытоптать их, отграничить драгоценный камень и бросить его в пучину вод, произвести на свет ребенка и, спустя время, одев его в военное платье, убить его?

Мир — это не предмет политики. Это дело самой великой важности, всеобщая потребность, начало начал, исходная точка самого человеческого существования на земле.

Прекрасна, невосполнима, невозвратима человеческая жизнь. Никому не уйти от смерти, но каждому сладка жизнь. Счастливы все живое, о ком Церковь говорит: «Всякое дыхание да хвалит Господа». Счастливы все проходящие земной круг: и седой столетний ворон, и мотылек-однодневка. Но из всех сущих на земле лишь человек наделен великим даром

сознания, способностью обозрывать все сокровища бытия, всю радость жизни и радостью этой стократно возрадоваться. Отстоим же мир!

Так кратко человеческое существование, столь кратко, что не хватает его, чтобы полностью усладиться дарами жизни.

Сколько отрады несут человеку книги и музыкальная мелодия, живопись и путешествие, наука и новое знакомство! Как восхищает его зрелище тихого звездного неба, весеннего леса, колосающегося поля, речной зеркальной глади! Как прекрасен подснежник, выбившаяся из-под земли первая травинка, только что вылупившийся из яйца желтый пушистый цыпленок, первый младенческий лепет, первые счастливые слезы любви!..

Люди, друзья, братья, милые спутники на краткой земной дороге, — отстоим мир!

Дружно возьмемся за руки и — вперед, к Жизни!..

Теперь, когда, спустя десять лет после запечатания книги войны и насилия, находятся на земле люди, которые мечтают вновь раскрыть запечатанную книгу войны и наполнить ее небывало жестоким и истребительным содержанием, — мы все должны сказать свое решительное: **НЕТ! НЕ БЫВАТЬ ЭТОМУ! МИР ДОЛЖЕН ПОБЕДИТЬ ВОЙНУ!**

Митрополит Николай

ПУТЕМ МОЛИТВЫ И ТРУДА — К МИРУ

27 марта сего года в столице Советской Латвии — Риге состоялся пленум Республиканского комитета защиты мира, посвященный самому актуальному вопросу наших дней — борьбе против развязывания атомной войны. На пленуме была представлена и Православная Церковь. От лица православных людей Латвийской епархии выступил архиепископ Рижский и Латвийский Филарет, отметивший в своей речи, что наша великая Родина — миролюбивая Страна Советов, — кровавой ценой великих потерь достигшая десять лет назад победы над фашизмом, все это десятилетие посвятила мирному созидательному труду. Атомную энергию она использовала в мирных целях для процветания трудящегося человечества. Учитывая все это, тем более тяжело видеть, что «в то самое время, когда Советский Союз строит электростанции на атомной силе, внедряет ее в целях здравоохранения народа, мирным людям приходится опасаться атомных бомб». Хочется напомнить, что «толкать человечество навстречу ужасам атомной войны — значит совершать преступление». Поэтому понятно, что «народы доброй воли не могут молчать... Не может молчать и Русская Православная Церковь». Иначе и не должно быть. Ведь Церковь Русская «в течение всей своей тысячелетней истории всегда была едина со своим народом... Церковь всегда молилась и молится за мир, ибо она есть носительница религии любви и мира». Господь наш Иисус Христос завещал Своим апостолам мир: «Мир Мой оставляю вам, мир Мой даю вам», да и самое явление Его в мир было ознаменовано ангельским песнопением о мире во всем мире: «Слава в вышних Богу, и на земле мир...»

Вот почему все вновь и вновь, каждый раз, когда по лицу земли прокатывается гром восстающих против подготовки войны протестов, Церковь возвышает свой авторитетный голос и мобилизует великую рать верующих людей на добрую брань против брани. Этот голос звучит в посланиях Святейшего Патриарха, на страницах церковной печати, в неутомимой деятельности пламенного трибуна мира Митрополита Николая, в проповедях любого епархиального архиерея, каждого приходского пастыря. И все они, чада Церкви, на всех ступенях иерархии и во всех общинах мирян славословят мир и мирный труд на созидание и благополучие.

Верующие люди Советской Латвии не составляют в этом отношении исключения. «И сегодня,— так закончил свое выступление Преосвященный Филарет,— я от всего сердца, в полноте искреннего убеждения, ставлю свою подпись под призывом Бюро Всемирного Совета Мира в защиту коллективной безопасности народов. Твердо верю, что мир победит войну», так как «сила стремления и желания людей, любящих мир, есть сила, которая победит любые водородные бомбы».

1 апреля Преосвященный Филарет собрал рижское духовенство, которое заслушало его доклад о пленуме Республиканского комитета защиты мира и воодушевленно присоединилось к светлому делу отстаивания мира. Вслед за этим он обратился с посланием-докладом о деятельности Русской Православной Церкви в пользу дела мира ко всем приходам своих обширных епархий. Единодушным порывом в борьбе за мир, против недостойных его нарушителей и расшатывателей ответило ему духовенство, ответили верующие Латвии.

*
* *

На Литовском республиканском пленуме комитета защиты мира мысли православных людей республики выразил протоиерей Иосиф Дзичковский. «Взявший меч — от меча погибнет! — сказал он. — Это грозное предостережение Спасителя всегда приходит нам на ум, когда мы слышим об опасности возникновения новой мировой войны». Людям, испытавшим все ужасы прошлой бойни, слишком хорошо известно, что будет значить для мира новое кровопролитие. Тем более, что люди осведомлены о том, сколько новых ужасающих средств массового истребления прибавилось ныне в военных арсеналах. Поэтому поистине «только враги рода человеческого могут мечтать о такой войне». Им не убить жизни... «Только сами себе готовят они гибель», и «погибнут они раньше, чем осуществят свой адский замысел». Это тем более ясно, что «число их ничтожно по сравнению с числом людей доброй воли, людей духа мира, любви и правды, сонм которых растет не по дням, а по часам».

Этому росту всеми силами помогает и Церковь, памятующая, что «Основатель ее, Христос Спаситель, завещал ей путь мира», памятующая наставление Его ученика-апостола: «Если возможно — мир имейте со всеми». «Насаждает же этот мир Православная Церковь только двумя оружиями. Оружия эти — молитва и честный, усердный, самоотверженный труд на благо Родины». Эти молитвы и этот труд, соединенные с молитвами и трудом всех других людей, принесут свои добрые плоды — «Мир победит войну!»

Искреннее выступление пастыря, выразившего то, что лежит на сердце каждого подлинно верующего человека, прозвучало как присяга людей веры делу мира и было тепло и задушевно воспринято всеми, кто любит мир и борется за него.

Прот. А. Парыгин

ГОЛОС НАШЕЙ СМЕНИ

Давно ли мы отмечали прекрасное выступление в защиту мира, против атомщиков и пропаганды атомной войны воспитателей будущего поколения пастырей Церкви Христовой — профессоров и администрации московских духовных школ, — и вот перед нами новый документ: «Открытое письмо студентов Ленинградской православной духовной академии и семинарии к студентам-богословам зарубежных учебных заведений мира».

На этот раз само будущее поколение пастырей, сама смена деятелей Церкви Православной, воспитываемая Церковью в духе любви и миро-

творчества, возвышает свой голос, голос молодости, желающей жить, молодости, которая хочет обеспечить себе завтрашний день, день ее выхода на трудовой подвиг на ниве Господней. Они, эти студенты, еще только будущие пастыри, но заветы Христа они несут в своем сердце уже сегодня. Они деятели грядущих лет, но бездействовать и быть равнодушными к грозящим сегодня бедам они не способны.

Молодости свойственна любовь к жизни — им ли не бороться против войны, извечного врага жизни; молодости свойственна жажда деятельности — им ли сидеть сложа руки, когда лучшие люди во всем мире поднимаются на борьбу за мир во благо миру; молодости свойствен оптимизм — их ли запугать страхами холодной войны; молодое всегда отзывчиво ко всему свежему и молодому — им ли не искать в мире молодых союзников в благородной борьбе за мир!

И они ищут их. Через барьеры границ обращаются они в первую очередь к тем, кто по духу, по избранному пути жизни должен их понять скорее и легче — к братьям о Христе, студентам-богословам всех стран и наций. «Дорогие коллеги! — обращаются они к ним. — В настоящее время, когда так часто приходится слышать об опасности новой мировой войны, когда все прогрессивное человечество борется за мир и безусловное запрещение оружия массового уничтожения, когда вопрос о мире особенно остро ставится на повестке дня, никто не может, не должен, не имеет права оставаться в стороне от движения за мир».

Да, никто не имеет права! А молодежь, избравшая себе служение идеям христианского миролюбивого учения, — тем более. Для нее уклонение было бы изменой этим идеям, было бы самоосуждением, было бы иудиним предательством. Но они, эти православные юноши, и не мыслят уклоняться от святого дела борьбы за мир. «Мы, студенты Ленинградской православной духовной академии и семинарии, — пишут они, — единодушно стремимся к миру вместе со всеми верующими и всем народом нашей Страны, обращаемся к вам, студенты-богословы, с призывом возвысить свой голос в защиту мира и осудить войну».

Какая правда в этих словах! Они говорят: «стремимся к миру вместе со всеми верующими людьми...» Да! Не по паспорту, не по внешним приметам, а до глубины души верующий человек не может не стремиться к миру. Еще псалмопевец Давид завещал ему это, написав: «Ищи мира и следуй за ним» (Псал. 33, 15), еще пророк Исаия нарек Мессии Грядущему великие имена: «Чудный, Советник, Бог крепкий, Отец Вечности» и ко всему этому «Князь Мира» (Исая 9, 6). Еще отец Иоанна Крестителя священник Захария провидел о своем великом сыне, последнем пророке Ветхого Завета и первом деятеле Нового, что Он будет наставлять людей, направляя «ноги наши на путь мира» (Лк. 1, 79). Этому учит христиан Сам Господь Иисус Христос, сказавший Своим ученикам: «Мир имейте между собою» (Мрк. 9, 50), этому учат Его апостолы — родоначальники епископского служения, на котором стоит наша Православная Церковь: «Ищи мира и стремись к нему» (1 Петр. 3, 11), «Держись правды, веры, любви, мира со всеми» (2 Тим. 2, 22), «Как прекрасны ноги благовествующих мир» (Римл. 10, 15).

Но мир нужен не одним только верующим христианам. Это ясно православным студентам-богословам, которые пишут: «Мира желают все народы».

А как смертоносно бывает оружие войны — кому знать лучше, как не жителям Ленинграда. Страдания этого города-героя особенно обостряют сознание ужаса войны. «Мы живем и учимся в городе Ленинграде, — пишут по этому поводу студенты, — перенесшем в прошедшую мировую войну страшную блокаду, голод и смерть многих своих жителей. Многие из нас сами видели и испытали ужасы военного времени. Поэтому нам особенно известны страдания мирного населения во время войны».

Да, советским юношам не надо этого объяснять. Их детство, всего десять лет назад, было омрачено дымными заревами пожаров, слезами потерь близких, постоянной тревогой за дорогих сердцу людей. В стенах Ленинградской духовной академии учился на заочном отделении бывший воспитанник Ленинградской духовной семинарии священник Николай П., потерявший в войну ногу. В стенах этой же академии есть юноши, прошедшие отрочество в партизанских землянках. Среди студентов, окончивших академию, был священник Григорий С., прошедший ужасы фашистских концлагерей. Да разве можно перечислить все эти суровые примеры! И так ли это нужно? Ведь «все знают, что война несет с собою смерть и разрушения. Кто из людей с чистой совестью может быть равнодушным перед угрозой новой мировой войны и ее последствиями? Ведь речь идет о варварском истреблении миллионов мирных человеческих жизней в тылу, об уничтожении многих культурных сокровищ человечества».

Обратите внимание на слова: «людей с чистой совестью». Это очень важные и значительные слова. Чистота — великое дело. Как чистые окна позволяют вливаться в комнату животворящим лучам солнца, так чистая душа, чистое сердце делают людей восприимчивыми к высоким и светлым идеалам. К Самому Богу приближает человека чистота сердца. «Блаженны чистые сердцем, ибо они Бога узрят» (Мф. 5, 8), а так как Бог есть Князь Мира, то человеку с чистой совестью естественно любить тот идеал и стремиться к тому свету, которые он находит в самом Существовании Божием.

Нам Христос Спаситель дал заповедь о мире и любви. Его Святое Евангелие говорит нам о том, что все люди — братья, как дети одного Небесного Отца. Желание мира должно быть особенно дорого для нас, ибо наши чувства, ум и воля всецело посвящены Богу, имя Которому Мир и Любовь (Ефес. 2, 14; 1 Иоан. 4, 8).

Для христианина вера — не в словах о вере. Христианин всегда помнит, что «вера без дела мертва» (Иак. 2, 26). Вот почему и студенты-богословы, исповедуя веру в Бога Любви и Мира, не могут молчать. «Мы должны оправдать свою веру. Наш долг быть строителями мира. Мы не имеем права молчать! — заявляют они. — Религиозное сознание не может согласиться с пропагандой агрессивной войны и применением оружия массового уничтожения. Наша конкретная задача в данный момент — служить делу мира, призывать верующих к борьбе за мир, разъяснять всем необходимость мира».

Этим задачам не смеет, не может быть чужд ни один студент-богослов, в какой бы части света, в какой бы стране он ни склонялся во время своих занятий над Святою Книгою книг, на какой бы языке эта Вечная Книга ни была переведена. Ибо на всех языках Она призывает к миру, на любом языке Бог есть Бог Мира и Любви. По Библии люди — братья, и нет на земле такого народа, язык которого переводил бы слово «братья» как слово «враги».

И, сознавая эту всепроникающую силу идей мира, проповедуемых Священным Писанием, православные русские студенты-богословы ленинградских духовных школ смело бросают дорогой клич мира всем своим коллегам на всем земном шаре: «Студенты-богословы всего мира! Горячо и убежденно проводите идеи мира в жизнь. Словом и делом докажите свое стремление к миру, к осуществлению великих евангельских заветов Христа о мире и братской любви между всеми людьми. Примите активное участие в подготовке и в работах созываемой в Хельсинки Всемирной Ассамблеи представителей миролюбивых сил! Дадим ей наказ о скорейшем изыскании мер к прекращению производства ядерного оружия и уничтожению его запасов».

И, уповая, что призыв их не останется безответным и не услышанным, в глубокой убежденности, что слово Христа о мире — слово непобедимой силы и вселенского звучания, слово, сливающееся с лучшими

желаниями всех людей всего света, независимо от их убеждений и взглядов, ибо, как сказал еще древний святой отец, «всякая душа по природе своей христианка», а следовательно, всякой душе желание мира не чуждо, но, наоборот, естественно и свойственно,— составители Открытого письма провозглашают, как здравицу мира во всем мире, как самый желанный клич, как самый доходчивый лозунг: «За вечную правду, за счастливую жизнь, за мир во всем мире, братья по вере во Христа!»

Молодостью, красивой и бодрой, убеждением, окрепшим и дерзновенным, добротой, зовущей и призывающей, звучит послание молодежи нашей Церкви. Оно мобилизует в борьбе за мир и во имя мира как такового, и во имя того, чтобы вот такие хорошие, честные молодые люди, как авторы этого письма, могли бы жить и нести миру свое славное и чудесное добро душ христианских, чтобы нам, людям старшего поколения, отвоевав мир, можно было уйти с умиротворенной земли в светлом сознании, что те, кто останется после нас, этого мира не предадут.

Прот. А. Парыгин

СЛОВО О МИРЕ

Дорогие братья и сестры, истинно православные христиане, честно проводшие подвиги святого поста и усердно молившие Бога о счастье достигнуть дня сего и поклониться Празднику праздников и Торжеству из торжеств,— Христос Воскресе!

Совсем недавно пережили мы ужасы военного времени, потеряли множество дорогих и невозвратимых нам жизней наших отцов, братьев, сыновей. Еще не совсем высохли скорбные слезы утрат на глазах наших женщин — матерей, жен, сестер, дочерей, а уже новые страдания готовят для нас враги мира и человечества, кощунственно дерзающие именовать себя христианами.

В этот величественный день победы жизни над смертью и света над тьмой я молитвенно желаю вам, любимой нашей Родине и всем людям, чтобы страсти и волнения многоятежного мира сего улеглись и чтобы угроза страшной войны никогда больше не возвращалась.

Мы с вами, воспитанные нашей Святой Православной Церковью в духе любви к нашей Родине, докажем эти святые чувства на деле — будем неустанно вносить свой вклад в общую сокровищницу мира честным трудом каждый на своем посту. И в этот великий Светлый день Воскресения Христова будем горячо молиться о том, чтобы воцарился на нашей грешной земле вожделенный мир.

Воистину Христос Воскресе!

Прот. К. Емчинов

ЕЩЕ О ПАМЯТНЫХ ГОДОВЩИНАХ

Памятные даты, исполнение десятилетия со времени окончания войн на Западе и на Востоке нашей Родины, будят воспоминания, тормозят мысли, вызывают все новые и новые раздумья. Вот, к примеру, одно из них...

Война — извечный враг семьи. Она калечит семьи, разбивает и обездоливает их, лишает человека радости общей жизни, общего творчества, общения с близкими. Но если война так больно бьет в этом отношении по взрослому, то что сказать о страданиях детей. Одних детей она уби-

вает или делает инвалидами, других лишает неповторимой прелести их детства, незабываемых радостей юности, третьим грозит она сиротской долей и действительно лишает их часто отцов, а в условиях современной войны — и матерей.

Правда, государство наше заботливо к детям. Еще в годы гражданской войны и послевоенного времени великий основатель первой в мире раскрепощенной державы трудящихся, Владимир Ильич Ленин, находил всегда и неизменно время заботиться о детях, оставшихся беспризорными, осиротелыми, покинутыми. Этот завет своего основателя помнит и хранит Советское государство. Дети у нас окружены великой заботой. Широкая и благоустроенная сеть детских домов по нашему Союзу исключает для ребенка возможность остаться безнадзорным и заброшенным. Мы, советские люди, не можем себе такой трагедии даже представить. Но не об этом речь. Можно спасти ребенка от беспризорности, голода, холода. Можно создать для него хорошие условия жизни. Но нельзя в порядке государственного мероприятия вернуть ему мать и отца, дать ему семью, тот неповторимый элемент очага семейного, которого он лишился. А его нежная душа очень страстно в нем нуждается.

Сознавая это, советские люди в годы минувшей войны развернули целое движение по усыновлению и принятию на патронат сирот военных. Десятки тысяч детей обрели тогда себе новые семьи, познали вновь радость семейного очага. В этом великодушном порыве не было границ для человеческой любви и доброты. Люди разных национальностей нашей широкой страны одинаково раскрывали объятия сиротам войны, и часто белокурая головка русского, белоруса или украинца доверчиво лынула к новой матери — таджичке или казашке среди смуглых личиков и черных ежиков волос ее собственных ребят.

Мы, пастыри Церкви, которая учит нас ежечасно великому делу любви, милосердия и сострадания, горячо в свое время откликнулись на этот порыв. Сотни и тысячи священников сами усыновляли сирот, подавая личный пример своей пастве. Все духовенство страны в своих проповедях призывало верующие семьи раскрыть свои объятия навстречу детским слезам, бездонному детскому горю. Так нас учила Церковь, так нам повелевал Бог и долг вложенной от Бога совести.

Много слез было тогда стерто. Много горя было побеждено.

Я помню скромного священника о. Иоанна К. на далеком Урале. В его семью вошла маленькая темноглазая татарочка. Как грустны были ее глазки вначале. Как зазвенел ее голосок потом, какой певуньей оказалось это дитя Востока под кровлей православного пастыря. Иначе и не могло быть. Ибо для Церкви «несть эллин, несть иудей», а все — братья, все — люди. А уж о детях и говорить не приходится — «таковых бо есть Царствие Божие». Это был радостный труд пастырства — возвращать детям семьи.

И у меня, пастыря из Прибалтики, появился в семье маленький уралец.

С тех пор минуло больше десяти лет. Многие из этих детей уже выросли. Девочки стали девушками, иные невестами. Мальчики растят усы, мечтают, как и девушки, о больших и широких дорогах жизни. Мой уральский сын достиг призывного возраста. И вот в связи с этим меня, как и многих других, волнует и тревожит мысль, неужели для того мы срывали с детских душ унылую пелену слез и горя, неужели для того мы возвращали в их жизнь солнце и свет, чтобы, вырастив, погрузить их в новые чудовищные страдания новой войны.

Нет! Никогда!

Наша Православная Церковь во всей своей истории не проповедывала крестовых походов. Пастырей и миссионеров своих она посылала на труд проповеди, пастырства и душепопечения, внушая им готовность к мученичеству, а не к мучительству. Она часто созидалась на крови

своих проповедников, но никогда на крови тех, кому проповедь назначалась. Этот дух, эту настроенность Православия свято хранит и Русская Православная Церковь. Для нее стремление к миру, к мирным средствам убеждения, к мирному сосуществованию с другими, хотя бы и далекими от Православия и наших стремлений и идеалов, людьми является естественным, из сущности ее вытекающим, путем жизни, формой бытия.

И мы, ее пастыри, так же, как не могли не откликнуться в свое время на борьбу за возвращение сиротам войны семьи и семейного тепла, так не можем, по существу убеждений наших и нашей веры, не заявить громогласно и во всеуслышание, что мы никогда не будем равнодушными и к дальнейшей судьбе тех детей, которых растили. И как призывали мы свою паству тогда, так призываем мы и теперь верующих людей всего мира соединить руки в неразрывную всемирную цепь, сомкнуть строй единомышленников, людей доброй воли, кто бы они ни были, и стать несокрушимой скалой всечеловеческой солидарности на страже мира во всем мире.

Мир может быть сохранен, если люди горячо этого пожелают. Дети наши и все дети на всей земле будут расти спокойно, если каждое живое человеческое сердце хотя бы на одно мгновение усыновит их себе, как величайшее сокровище рода человеческого, почувствует к ним отеческую или материнскую любовь. А где во вселенной найдется такая мать или такой отец, если они не утратившие человеческого достоинства выродки, которые желали бы для своих детей войны?

Цветы тянутся к солнцу, люди — к миру. Цветам цвести, миру — быть!

А. Осипов,
профессор Лен. дух. академии

ПИСЬМО ОКРУЖНОГО СОВЕТА МИРА В ЗЕБНИТЦЕ МИТРОПОЛИТУ КРУТИЦКОМУ И КОЛОМЕНСКОМУ НИКОЛАЮ

Ваше Высокопреосвященство, глубокоуважаемый друг мира! Настоящим мы подтверждаем получение Вашего приветственного письма делегатами нашей Окружной мирной конференции и сердечно благодарим Вас за Ваши полные любви слова, обращенные к нам.

Можем заверить Вас, что Ваше приветствие вызвало у всех делегатов бурную радость.

Мы не отвечали Вам раньше потому, что мы после Окружной мирной конференции были очень заняты подготовкой Германского конгресса безопасности и мира, который состоится в Дрездене: нам пришлось посылать извещения во многие места нашего округа, а также готовить и проводить сбор подписей под Венским воззванием, направленным против атомной войны. Поэтому мы многократно просим Вас извинить нас за отсрочку нашего благодарственного ответа.

Мы очень гордимся и глубоко ценим Вашу связь с миролюбивым немецким народом, которую Вы выразили в Ваших приветствиях.

Мы можем сообщить всем Вашим соотечественникам — борцам за мир, — что мы приложим все усилия для проведения в жизнь как можно скорее мирного воссоединения нашей родины. Заодно мы будем вести

борьбу с восстановлением германского милитаризма, который вот уже дважды в этом веке принес горе Германии и народам Европы.

Поэтому мы будем приветствовать, если в этой общей борьбе окрепнут и углубятся наши уже установленные дружеские отношения.

Да здравствует международная солидарность всех миролюбивых людей!

С мирным приветствием

Хартман — председатель
Берце — секретарь

ОТ РЕДАКЦИИ

Редакция «Журнала Московской Патриархии» доводит до сведения своих подписчиков, что вышла в свет книга Митрополита Крутицкого и Коломенского Николая «За мир» (2-й выпуск).

Книга представляет собой сборник речей и обращений в защиту мира с 1952 по 1954 г. В книге 166 страниц.

Книга издана на русском, немецком, французском, английском и арабском языках.

ПРАВОСЛАВНОЕ БОГОСЛУЖЕНИЕ В ЖИЗНИ ХРИСТИАНИНА

I

Часто в храмах мы видим иконы, на которых изображен Христос Спаситель с «предстоящими». Вот перед нами Распятие: Господь Иисус Христос на кресте, а кресту Его предстоят Божия Матерь и Иоанн Богослов. Или род иконостаса, называемый «чином»: в центре снова Господь, но на этот раз уже не в уничижении, а во славе. Облеченный в царские одежды, Он сидит на престоле. Но как там, у креста, так и здесь, у престола, стоят Матерь Божия и Иоанн Креститель, а дальше — апостолы, святители, святые и ангельские лики.

Какой смысл вкладывает Святая Церковь в эти изображения? О чем хочет она сказать нам, взирающим на эти иконы и молящимся перед ними?

Изображая на иконах Господа с «предстоящими», Церковь напоминает нам о том, что наше главное дело есть предстояние Богу.

Мы часто ставим перед собой вопрос: что главное в духовной жизни? И каждый, в соответствии со своими личными качествами и особенностями своего духовного пути, отвечает на него по-разному. Некто из отцов спрашивал великого авву Нестероя: «Какое бы доброе дело делать мне?» Авва отвечал ему: «Не все ли дела равны? Писание говорит: Авраам был страннолюбив, и Бог был с ним; Илия любил безмолвие, и Бог был с ним; Давид был кроток, и Бог был с ним. Итак смотри, чего желает по Богу душа твоя, то делай»¹. Так каждого человека Господь ведет своим особенным путем, каждому дает свое особое служение.

Но есть все-таки у всех нас и общее делание, самое главное, без которого теряют смысл и становятся бесполезными все иные пути и служения. Это главное из главных дело жизни каждого христианина есть молитвенное предстояние перед Господом, пребывание с Ним в непрестанном общении. Апостол Павел призывает нас непрестанно молиться (1 Фесс. 5, 17), то есть непрестанно* пребывать в общении с Богом. И это единственное делание, которое останется у нас за гробом, когда все остальные добрые дела, благотворения и земные служения отойдут от нас.

Мы знаем, что святые угодники Божии, каково бы ни было их дело на земле, выну предстояли перед Господом и удостоивались по благодати Божией уже здесь, на земле, этого небесного состояния. Мы прославляем мучеников, которые, «забывая сущая в житии и нерадивше о муках, будущия ради жизни, сея наследницы явишася»². И не только в

¹ Древний Патерик, гл. 1, 17. М., 1899, стр. 16.

² Служба Вторника первой седмицы Великого поста. Утренняя. Стихира на стиховне.

будущей жизни достигали. они этого пребывания со Христом. Господь был с ними уже здесь, на земле, и именно это общение со Христом и давало им силы переносить мучения. «Что вас наречем, святии! Херувимы ли, яко на вас почил есть Христос. Серафимы ли, яко непрестанно прослависте Его»³. Это говорится уже о земной их жизни, в которой они непрестанно прославляли Христа. То же самое можно сказать и о святителях, преподобных и других угодниках Божиих. Святителя Николая мы прославляем не только как скорого помощника и молящимся «милостивого преклонителя», но так же как «святейший ум, Троицы чистое обиталище», а святителя Григория Паламу Церковь чтит, «яко ум, Уму Первому предстояй» (Кондак). О преподобном же Серафиме говорится, что он «умиленным сердцем любовь Христову стяжал».

Можно было бы до бесконечности умножать примеры, потому что если мы будем читать жития святых и внимательно вслушиваться в богослужебные песнопения, которыми прославляет их Церковь, то увидим, что у каждого из них непременно была эта сокровенная от человеков внутренняя жизнь со Христом, это предстояние и хождение пред Лицом Божиим. То, чего достигали угодники Божии и в чем состояло главное дело их жизни, должно быть целью жизни и для каждого христианина, потому что слова апостола Павла о непрестанной молитве обращены ко всем христианам, и обетование Спасителя: «Кто любит Меня, тот соблюдет слово Мое; и Отец Мой возлюбит его, и Мы придем к нему, и обитель у него сотворим» (Иоан. 14, 23), относится также не к одним только апостолам, но и ко всем верующим по слову их.

Между тем, если мы посмотрим на нашу жизнь и взглянемся каждый в свою душу, то, наверное, должны будем сказать о себе словами церковного песнопения: «Иждив блудно отеческого имения богатство и расточив, пуст бых, в страну вселихся лукавых граждан»⁴. Как же быть нам грешным? Где найдем мы путь, ведущий из этой страшной страны лукавых граждан в страну живых? Как научиться молитвенному предстоянию пред Богом, как стяжать сокровенную во Христе жизнь?

Святые отцы, опытно прошедшие путь духовной жизни, в своих творениях, раскрывающих перед нами сокровищницу их опыта, указали нам многие пути, ведущие к этой цели. Среди этих путей есть один, одинаково доступный как начинающим духовную жизнь — «новоначальным», так и совершенным, и одинаково необходимый для всех делателей винограда Христова, — это путь вхождения в жизнь Христа Спасителя через богослужение, через таинства и священнодействия церковные. Проходя его, мы приобщаемся к деланию всех святых угодников Божиих, входим в общение с ними и с Матерью Божией и удостоиваемся предстоянию страшному престолу Господа славы.

II

«Странно Бога вочеловечшася видяще, устранимся суетного мира и ум на Божественная возложим. Сего бо ради Бог на землю сниде, да нас на небеса возведет, вопиющих Ему: аллилуиа», — читаем мы в акафисте Иисусу Сладчайшему⁵.

Это восхождение на небеса через посредство воплотившегося нас ради Сына Божия происходит и раскрывается в православном богослужении. Восхождение начинается с той минуты, когда мы входим в храм Божий. «Храм — небо земное: здесь престол Царя неба и земли; здесь совершается страшная и пренебесная жертва — Тело и Кровь Владычицы, — и верные соединяются с Господом и обожаются обожением чуд-

³ Служба Пятка первой седмицы Великого поста. Утренняя Стихира на стиховне.

⁴ Служба Недели о блудном сыне. Стихира на хвалитех.

⁵ Кондак 8.

ным»⁶. Поэтому, стоя в храме и участвуя в богослужении, православный христианин становится причастником небесной жизни. Вхождение в эту жизнь становится еще более полным с той минуты, когда священник произносит первый возглас и начинается церковная служба.

Один из глубочайших истолкователей православного богослужения, преп. Максим Исповедник, говорит о душе, входящей в эту небесную жизнь, как об «удаляющейся и поспешно бегущей от мира, и вместе со Словом и через слово великого и истинного Бога и Архиерея нашего входящей как бы в Церковь, в царственное убежище мира, в невозмутимое и безмятежное созерцание естества в Духе»⁷. Вошедшие в это «царственное убежище мира» могут сказать о себе словами церковного песнопения: «В храме стояще славы Твоя, на небеси стояти мним». Здесь происходит встреча неба и земли, восхождение человека к Божественной жизни и нисхождение Бога с неба на землю. Поэтому богослужение есть не только наше служение Богу, но и служение нам Бого-человека Иисуса, Который пришел на землю, чтобы послужить и отдать душу Свою для избавления многих, и Который снова нисходит к нам в таинстве богослужения. Здесь, по слову псалмопевца Давида, «Милость и истина сретятся, правда и мир облобызаются; истина возникнет из земли, и правда приникнет с небес; и Господь даст благо, и земля наша даст плод свой» (Псал. 84, 11—13).

С момента этой встречи начинается для человека новая, неведомая ему раньше жизнь, жизнь человеческой души в богослужении. И чем чаще входит человек в храм, чем внимательнее воспринимает все то, что здесь совершается, тем глубже входит он в эту премирную жизнь. Средоточием этой жизни является Божественная литургия, во время которой в таинстве Святой Евхаристии человек входит в непосредственное общение со Христом, становится общником Его Пречистого Тела и Божественной Крови, потому что «святым причастием Пречистых и Животворящих Таин совершается то общение и единение с Богом, по которому человек, будучи человеком, удостоивается обожения»⁸. Будучи центром этого духовного мира и вершиной восхождения человеческой души, Божественная литургия озаряет лучами своего небесного света все богослужение. Все остальные службы суточного круга — вечерня, повечерие, полунощница, утрени и часы — являются только подготовкой к литургии и получают свой смысл и свое завершение именно через нее. То же самое относится и к службам каждого дня седмичного и годового богослужебного круга, которые также приобретают свой смысл и раскрывают всю глубину своего содержания только в связи с таинством Евхаристии.

По словам знаменитого литургиста XIV века Николая Кавасилы, «все священнодействие (литургии) есть как бы один образ единого тела царства Спасителя, образ, представляющий все его части от начала до конца во взаимном порядке и согласии». И то, «что совершается при священнодействии Святых Даров, все имеет прямое отношение к домостроительству Спасителя»⁹.

Если в Божественной литургии раскрывается перед нашим духовным взором все домостроительство Божие «как бы один образ единого тела царства Спасителя», то в службах отдельных дней богослужебного круга (седмичного и годового) мы получаем возможность увидеть отдельные грани этого единого в себе самом царства Христова, понять взаимную связь их между собою и их отношение к делу нашего спасения.

⁶ Иоанн Сергиев, прот. Мысли христианина, стр. 231.

⁷ Тайноводство, 23. Писания святых отцов и учителей Церкви, относящиеся к истолкованию православного богослужения, т. I, СПб, 1855, стр. 333—334.

⁸ Преп. Максим Исповедник, Тайноводство, 24, стр. 339.

⁹ Николай Кавасила, Изъяснение Божественной литургии, гл. 1, Писания св. отцов о богослужении, т. III, СПб, стр. 294—296.

Прежде чем говорить более подробно о богослужебном круге, его строе и связи отдельных его частей между собой и с нашей духовной жизнью, остановимся вкратце на некоторых основных чертах, которыми характеризуется жизнь человеческой души в богослужении.

III

Первая черта, которой характеризуется эта жизнь, заключается в том, что богослужение, как в пределах одной церковной службы, так и в пределах целого круга — суточного, седмичного и годового, всегда дает нам образ восхождения человеческой души к Богу. Богослужение по своему строю всегда динамично, оно всегда, начинаясь с земного, возводит нас в небесные обители. С этим связана другая важнейшая черта православного богослужения, заключающаяся в том, что восхождение человека к Богу и встреча земного и небесного осуществляются всегда через посредство внешнего телесного образа. Путь человеческой души идет здесь от образа к Первообразу. «Несмотря на большое старание отрешиться от телесного, ум наш, — говорит св. Григорий Богослов, — совершенно не способен на это; но невидимое Бога от создания мира твореньями помышляема видима суть: ибо видим в тварях образы, показывающие нам тускло Божественные откровения»¹⁰.

Причина этого заключается в том, что человек, по учению Святой Церкви, по природе своей «состоит из двух естеств, то есть из тела и души, из естества видимого и невидимого» (св. Григорий Богослов). Поэтому и богослужение церковное совершается не только духовно, но одновременно в видимых чувственных образах. В этих образах раскрывается нам пренебесное, «в разнообразии и многоразличии их — то, что само по себе едино, в человеческих вещах — божественное, в вещественном — невещественное и в том, что свойственно нам, — пресущественное»¹¹. Поэтому «Божественный луч не иначе может нам воссиять, как под многообразными и таинственными покровами»¹².

Совершенное соединение видимого и невидимого естества явлено нам в Богочеловеке Иисусе Христе, Который есть видимый образ Невидимого Бога и в Котором обитает вся полнота Божества телесно (Колос. 2, 9). Этой Божественной полноте приобщаемся мы в таинстве Евхаристии. «Так как тело Слова, — говорит об этом св. Кирилл Александрийский, — сделалось животворящим, поелику Он сделал его Своим собственным посредством соединения, превосходящего всякие наши понятия, то и мы, которые приобщаемся Его Плоти и Крови, оживотворяемся, так как Слово теперь обитает в нас не только Божеством посредством Святого Духа, но также и по человечеству посредством Своей святой Плоти и честной Крови»¹³. Таким образом, в таинстве Евхаристии мы освящаемся и очищаемся не только духовно, но и телесно. В молитвах к святому Причащению мы просим у Господа освящения и просвещения, крепости и исцеления и здравия души же и тела¹⁴. Это освящение распространяется на все человеческое тело, на все его чувства («чувств просвети простую пятерицу»), которые просвещаются всеми прочими таинствами и священнодействиями церковными. В них невидимо присутствует с нами Сам Господь до тех пор, пока не явится «яко же есть».

¹⁰ Цит. у св. Иоанна Дамаскина. Первое защитительное слово против отвергающих святые иконы.

¹¹ Св. Дионисий Ареопагит, О церковной иерархии, 1, 5. — Писания святых отцов о богослужении, т. I, СПб, 1855, стр. 15.

¹² Св. Дионисий Ареопагит, О небесной иерархии, 2.

¹³ Св. Кирилл Александрийский, Против Нестория, кн. 4, гл. 5.

¹⁴ Молитва ко Причащению 9.

Следующая важнейшая черта богослужебного опыта Церкви заключается в том, что, приобщаясь к нему, человек выходит из состояния одиночества и замкнутости, в которых пребывает душа, живущая во грехе, и входит в общение с другими людьми не только живыми, но и умершими, с бесплотными силами, — другими словами, со всею Церковью. Богослужение раскрывается перед нами здесь не как духовное делание отдельной человеческой души, а как соборное делание всей Церкви, земной и небесной.

Эту черту богослужебного опыта во всей ее полноте мы видим опять-таки только в таинстве Евхаристии, через которое она распространяется и на все остальное богослужение. «Один хлеб, — говорит св. апостол Павел, — и мы многие одно тело, ибо все причащаемся от одного хлеба» (1 Кор. 10, 17). Толкуя эти слова, св. Иоанн Златоуст пишет: «Что такое этот хлеб? — Тело Христово. Чем делаются причащающиеся? — Телом Христовым, — не многими телами, а одним Телом. Как хлеб, составляясь из многих зерен, делается единым, так что хотя в нем есть зерна, но их не видно, и различие их неприметно по причине их соединения; так и мы соединяемся друг с другом и со Христом»¹⁵.

Видимым образом этого церковного евхаристического единства верующих со Христом Спасителем и между собой является расположение частиц на святом дискосе во время проскомидии: «В Божественном образе и действии святой проскомидии, — пишет об этом блаж. Симеон Солунский, — мы видим некоторым образом Самого Иисуса, созерцаем и всю единую Церковь Его. В средоточии всего видим Его, ... ибо Сам Он присутствует здесь под образом хлеба, полагаемого на середине. Частицею же с правой стороны изображается Матерь Его, с левой — святые и ангелы, а внизу — благочестивое собрание всех уверовавших в Него»¹⁶. Божественная литургия разрушает границы пространства и времени и соединяет нас со всеми, за кого возносится молитва перед престолом Божиим, как живыми, так и умершими; и больше того, она делает нас общниками жизни святых и Матери Божией, Которую мы прославляем как честнейшую херувим и славнейшую без сравнения серафим. Ведь и за них приносится на литургии бескровная жертва, но только уже не как жертва умилоствления, но как жертва благодарения, потому что они не только искуплены кровью Агнца, но и вошли в «радость Господа своего».

О верных Церковь молится, «чтобы они совершенны были во святые, и потому ей необходимо следует за достигших уже совершенства святых воздавать благодарность Тому, Кто доставил это совершенство. По этому-то благодарению за святых, самое таинство называется благодарением (то есть Евхаристией)»¹⁷. И хотя святые не нуждаются в наших молитвах, но, принося за них благодарственную жертву, мы входим с ними в глубочайшее духовное общение. Поминая их на Божественной литургии, священник «не за них ходатайствует, а напротив их выставляет ходатаями, ибо, назвав и перечислив святых, присовокупляет: их же молитвами посети нас, Боже»¹⁸.

Весь богослужебный опыт Церкви убеждает нас в том, что и Матерь Божия и святые воистину вместе с нами участвуют в богослужении, вместе с нами и за нас молятся, прося Господа о том, чтобы и мы, призывающие их в наших молитвах, сделались общниками той сла-

¹⁵ Толкование на первое послание к Коринфянам, гл. 10.

¹⁶ Разговор о святых священнодействиях и таинствах церковных, § 62. — Писания святых отцов о богослужении, т. II, СПб, 1856, стр. 128—129.

¹⁷ Николай Кавасила, Изъяснение Божественной литургии, гл. 49, Писания святых отцов о богослужении, т. III, СПб, 1857, стр. 415.

¹⁸ Там же, стр. 410.

вы и радости, участниками которых соделал их Господь. Это единство Церкви земной и небесной, молитвенное общение Божией Матери и святых с членами видимой Церкви, обращающимися к ним за помощью, с особой глубиной и силой раскрыто в кондаке праздника Покрова Божией Матери: «Дева днесь предстоит в церкви и с лики святых невидимо за ны молится Богу: ангели со архиереи покланяются, апостоли же со пророки ликовствуют; нас бо ради молит Богородица Превечного Бога».

Многообразны пути и формы нашего молитвенного общения со святыми в богослужении. Вершиной этого общения является принесение за них бескровной благодарственной Жертвы. Но к этой вершине мы восходим по ступеням духовного опыта, который ведет нас через все богослужение, через все службы богослужебного круга — суточного, седмичного и годового.

Каждый день Святая Церковь прославляет кого-либо из святых, с которым в этот день мы входим в особенно тесное молитвенное общение: ему посвящается служба дня — стихиры, тропарь, кондак, канон. Образ подвига празднуемого святого в своей идеальной чистоте раскрывается в Евангельском и Апостольском чтении на утрени и литургии. Венчается наше молитвенное общение с празднуемым святым принесением за него благодарственной бескровной жертвы.

Участие святых в богослужении и наше молитвенное общение с ними не ограничивается прославлением их в дни их памяти. Святые являются участниками и нашего духовного восхождения к Богу через богослужение. Через их жизнь входим мы в общение с Господом, они дают нам слова для выражения нашего покаянного плача и нашего восторга и ликования. И когда мы читаем или поем молитвы и песнопения, составленные святыми, они вместе с нами молятся Богу этими произносимыми нашими устами словами. В дни святой Четыредесятницы молится с нами и плачет о наших грехах составитель Великого канона св. Андрей Критский. Внимая словам этого творения, мы постепенно и сами начинаем входить в то делание покаянного плача, которое с такой глубиной проходил в дни своей земной жизни св. Андрей Критский. Веря и зная, что угодник Божий и ныне молится вместе с нами, мы обращаемся к нему с такими словами: «Андрее честный и отче преблаженнейший, пастырю Критский, не престай моляся о воспевающих тя, да избавимся вси гнева и скорби и тления и прегрешений безмерных, чтущии твою память верно». А в день величайшего духовного торжества и ликования, в день Святой Пасхи, мы слышим голос другого святителя Церкви, св. Иоанна Златоуста, который в своем огласительном слове призывает нас «насладиться сего доброго и светлого торжества». И так велика сила ликования и радости, заключенная в словах святителя, что, в нарушение всего строя пасхального богослужения¹⁹, мы не можем не отозваться на нее, не можем не ответить ему словами тропаря: «Уст твоих якоже светлость огня воссиявши благодать». И это вполне естественно, потому что воистину огнем Божественного Духа озаряет наши сердца исполненное благодати и силы слово Златоуста.

Святые участвуют с нами в праздновании всех праздников Господних, и в особенности те из них, которые в дни своей земной жизни были участниками празднуемого события. Вместе с Божией Матерью и праведным Иосифом входим мы в Вифлеемскую пещеру, чтобы поклониться Лежащему в яслях; вместе с Иоанном Предтечей видим Его грядущего ко Иордану; с праведными Симеоном и Анной встречаем Его в Иерусалимском храме; с апостолами восходим на гору Преобра-

¹⁹ В богослужении Святой Пасхи, кроме этого единственного случая, нет никаких песнопений, посвященных святым.

жения; с Матерью Божией и евангелистом Иоанном предстоим Живо-творящему древу Креста; с апостолами и мироносцами прославляем Воскресение Спасителя. Святая Церковь особо подчеркивает участие святых в этих праздниках и значение этого участия для нашей духовной жизни. После праздников Благовещения, Рождества Христова, Крещения, Сретения и Пасхи Церковь посвящает особые дни прославлению тех святых, которые были участниками этих праздников²⁰. В эти дни мы прославляем святых, как участников великого дела домостроительства нашего спасения, и молимся им и в эти попразднственные дни и в самые дни праздников, прося их возвести наши грешные души в горние обители. «Руку твою, прикоснувшуюся пречистому верху Владычню,— обращаемся мы к св. Иоанну Предтече в день Богоявления,— воздежи о нас к Нему, Крестителю... Очи же твои паки, Всесвятаго Духа видевши, яко в виде голубине сошедша, воздвигни к Нему, Крестителю, и милостию нам содейлай, и прииди, стани с нами, запечатаяй пение и предначинаяй торжество»²¹. В праздник Сретения Господня мы обращаемся к Анне пророчице: «О дщи Фануилева, прииди, стани с нами» и к праведному Симеону: «Богоносе Симеоне, прииди, подыми Христа, Егоже роди Дева Чистая Мария»²². Подобным же образом обращаемся мы в Неделю жен мироносиц к благообразному Иосифу Аримафейскому: «Богоприемче Иосифе, гряди, стани с нами, воскресе, зовый, Иисус Избавитель, воздвигнувший Адама благоутробием Своим»²³.

Вместе со святыми участвуют в богослужении и бесплотные силы. Церковь верит, что чины и воинства ангелов и архангелов входят со священником в алтарь, сослужа ему и славословя Божественную благодать. Херувимам подражаем мы и на Великом входе, когда «Царь царствующих и Господь господствующих приходит заклатися и датися в снедь верным». Дважды во время литургии славословим мы Господа словами ангельских песен: во время Трисвятого и при пении «Свят, Свят, Свят, Господь Саваоф».

Наконец, заключается и запечатлевается наше духовное общение с горним миром прославлением Божией Матери, вокруг Которой собираются все лики святых, чтобы вместе с Нею славить Господа и молиться Ему о совершающей путь своего земного странствования видимой Церкви — о всей соборне и о каждом из ее членов в отдельности.

V

Мы уже видели, что, приобщаясь в богослужении к жизни Божественной, мы всегда восходим к ней через внешние чувственные образы, через посредство которых происходит освящение не только нашей души, но и нашего тела. Мы видели далее, что это восхождение не является делом одинокой человеческой души, но соборным делом всей Церкви, земной и небесной, и что для каждого отдельного человека такое восхождение возможно лишь через приобщение к этой соборной жизни. Теперь нам предстоит рассмотреть еще одну сторону церковно-богослужебного опыта — откровение в богослужении тайны вечности и восхождение человеческой души от жизни во времени к вечной жизни.

²⁰ 26 марта — Собор архистратига Гавриила; 26 декабря — Собор Пресвятой Богородицы; 7 января — Собор Иоанна Предтечи; 3 февраля — память праведных Симеона Богопримца и Анны пророчицы; через две недели после Пасхи — память святых жен мироносиц.

²¹ Служба 6 января.

²² Служба 2 февраля. Утренняя. Запевы по девятой песне канона.

²³ Служба в Неделю жен мироносиц. Утренняя. Канон. Песнь 3.

«Вступив в храм предвечного и конца не имеющего Творца твари во время богослужения, вы как бы переступаете через порог времени», — говорит один из глубочайших истолкователей православного богослужения, о. Иоанн Кронштадтский. В богослужении мы становимся общниками и причастниками вечной жизни: «Верую и любовью приступим, да причастницы жизни вечныя будем»²⁴.

Но подобно тому, как к созерцанию Невидимого Бога и поклонению Ему мы восходим через Видимый Образ Его — Богочеловека Иисуса Христа, так и к тайне вечности мы можем приобщиться лишь через явление ее во времени, в земной жизни Иисуса Христа и Его Церкви.

Вочеловечение Бога-Слова было не только явлением Его во плоти, но также и явлением Его во времени, и это время, в котором явилось нам Предвечное Слово Божие, Церковь рассматривает как полноту времени: «Когда пришла полнота времени, — говорит апостол Павел, — Бог послал Сына Своего Единородного, Который родился от жены, подчинился закону, чтобы искупить подзаконных, дабы нам получить усыновление» (Гал. 4, 4—5). В эту полноту времени раскрывается нам до конца тайна Предвечной любви Божией к человеку, тайна искупительного подвига «Агнца, закланного от создания мира» (Откр. 13, 8). Однако и до пришествия в мир Спасителя Бог приоткрывал людям тайну Своей любви, так что явлением на земле Сына Божия завершилась длинная цепь ветхозаветных откровений: «Бог, многократно и многообразно говоривший издревле отцам в пророках, в последние дни сии говорил нам в Сыне, Которого поставил Наследником всего, через Которого и веки (то есть время) сотворил» (Евр. 1, 1—2). С другой стороны, явлением на земле Сына Божия не заканчивается откровение Бога во времени, потому что всю историю христианской Церкви, которая должна завершиться явлением Нового Неба и Новой Земли, следует рассматривать как продолжающееся откровение Божественной любви в тайне домостроительства Божия. Так само время, сотворенное Богом как живой образ Его вечного бытия, становится для человека путем восхождения к вечной жизни: «Дивен еси, Боже, и чудна дела Твоя, и путие Твои неисследими... Завещав уставы и лета во спасение нам, Неизменне»²⁵. И эта тайна, тайна вечности, явленная во времени, и составляет содержание православного богослужения.

Во всей своей полноте эта тайна раскрывается прежде всего в Божественной литургии. «Прислушайтесь внимательно к тому, что читается и поется за литургией, и перед вашим умственным взором откроется величественное зрелище. Вы проследите за ней всю жизнь Самого Господа, от века предопределенного Агнца Божия, от рождения и до сидения Его одесную Отца. Вы услышите и вопль падших людей, и речи пророков, предсказывавших об имеющем родиться Мессии; услышите «глас вопиющего в пустыне», проповедь апостолов и Самого благовествующего Господа... Вспомните мучеников и подвижников, скорби и радования в церковной жизни. В словах и символах, раздельно и вместе, Церковь перед верующими повествует и о Христе Спасителе, и о себе самой, или, лучше сказать, о Христе Спасителе вместе с Собою, о Христе Искупителе в нераздельном союзе с искупленными Им, — с Церковью небесною и землею, Его окружающею»²⁶. Или, говоря словами Николая Кавасилы, «все таинководство (литургии) есть как бы одно некое тело истории, от начала до конца сохраняющее стройность и

²⁴ Конец песнопения «Ныне силы небесныя», заменяющего Херувимскую песнь во время литургии Преждевсвятых Даров.

²⁵ Служба 1 сентября. Стихиры на стиховне.

²⁶ Аквилонев Е., прот., Новозаветное учение о Церкви, 2-е изд., СПб, 1904, стр. 96—97.

целость; так что каждый отдел действий и слов сообщает целому особую сторону законченности»²⁷.

Таким образом Божественная литургия представляет собой как бы малый круг, в котором получает отражение «все тело истории» и в особенности та «полнота времени», в которой до конца раскрылась нам тайна любви и смотрения Божия — земная жизнь Спасителя. Этот малый круг представляет из себя средоточие, к которому тяготеют все другие церковные службы, совершаемые в течение дня и составляющие в своей совокупности то, что мы называем суточным кругом богослужения. Все службы суточного круга в своей неизменяемой части, повторяющейся ежедневно, представляют собою своеобразное, приспособленное к переживаниям и чувствам, естественно возникающим у человека в разное время суток, раскрытие той же тайны Божественной любви, которая в своей полноте дана нам в литургии. Каждая из этих служб показывает нам по преимуществу какую-нибудь одну сторону Божественного промысла о нашем спасении. Это в особенности относится к трем наиболее продолжительным и торжественным службам дневного круга: вечерне, утрени и литургии.

Вечерня есть служба, по преимуществу посвященная Ветхому Завету. Чтение или пение в начале вечерни 103-го псалма напоминает нам о первом проявлении Божественной благодати — сотворении мира; пение покаянных стихов «Господи, воззвах к Тебе, услыши мя» — состояние падшего Адама после грехопадения; вечерняя песнь «Свете тихий» и следующее за ней на праздничной вечерне чтение ветхозаветных паремий — обетования и пророчества о пришествии в мир, «к темному западу естества нашего», Невечернего Света — Христа Спасителя. Сугубая и просительная ектении содержат обращение человека к Богу и раскрытие перед Ним нужд, относящихся как к нашей земной жизни, так и к спасению нашей души. Наконец, преподание мира в конце вечерни дает нам первый залог того благодатного примирения с Богом, всю полноту которого мы получаем в таинстве Евхаристии.

Утрени — это служба Христу — Невечернему Свету, пришедшему в мир для спасения нас от греха и смерти. Она начинается в тот час, когда свет приближающегося дня еще борется с тьмою уходящей ночи. Эта борьба света и тьмы в природе является отражением борьбы света Христова с тьмою греха в человеческой душе. Она получает преимущественное выражение в чтении шестопсалмия. Следующие за ним стихи «Бог Господь и явился нам» — это уже победа света над тьмою в явлении в мир Христа Спасителя. Затем мы снова как бы возвращаемся к Ветхому Завету в чтении или пении канона, каждая песнь которого основана на одной из ветхозаветных песен. Однако характер этого обращения к Ветхому Завету на утрени существенно отличается от того, что мы имеем на вечерне. Все песни канона обращены к Новому Завету, все они говорят о грядущем в мир Спасителе. Заканчивается канон 9-й, уже новозаветной, песнью: «Величит душа Моя Господа, и возрадовася дух Мой о Бозе, Спасе Моем». Завершается Утрени Великим славословием — утреннюю песнью, прославляющую Христа — мысленное Солнце Правды, пришедшего в мир и разгнавшего Своими лучами темную ночь нашего греха. Во время этой службы по воскресным и праздничным дням мы уже слышим и слово Самого Спасителя, Который обращается к нам словами Своего Евангелия.

Наконец, венцом всех служб суточного круга является Божественная литургия. Хотя в ней, как мы уже говорили, раскрывается все тело истории, и мы слышим в ней снова ветхозаветные пророчества о Христе (в пении антифонных псалмов) и славим Его пришествие на землю

²⁷ Изъяснение Божественной литургии, гл. XVI, — Писания святых отцов о богослужении, т. III, СПб, 1857, стр. 332—333.

в песне «Едиnorodный Сыне и Слове Божий», но она посвящена преимуществу раскрытию земной жизни Спасителя и Его искупительного подвига. В ней соединяемся мы с Господом Иисусом Христом теснейшим соединением в таинстве Евхаристии.

Наряду с неизменяемой частью служб суточного круга, мы слышим в них молитвы и песнопения, содержание которых меняется в зависимости от дня седмицы, числа и месяца, в которые совершается служба. Эти песнопения, главнейшими из которых являются стихиры, канон, тропари, кондаки, седалны и прокимны, служат как бы связующим звеном между суточным кругом богослужения и включающими его в свой состав службами седмичного и годового круга.

Седмичный круг начинается днями, посвященными бесплотным силам (понедельник) и Иоанну Предтече (вторник), напоминающими нам о сотворении Богом мира не только видимого, но и невидимого, и о ветхозаветных праведниках, величайшим из которых был Иоанн Креститель. В соответствии с этим, в службах этих дней занимают значительное место покаянные песнопения. Через покаянные стихиры и каноны Октоиха мы приобщаемся к плачу падшего человека о своих грехах. В следующие дни мы совершаем память Божией Матери и святых апостолов, поклоняемся Животворящему Кресту Господню, прославляем всех святых и совершаем память усопших. Завершается седмичный круг воскресным днем, днем Господним, или малой Пасхой, которая освещает наши души и сердца отраженным светом Пасхи великой, являющейся средоточием и вершиной круга годового.

Годовой богослужебный круг имеет весьма сложное построение. В его содержании отразилась многовековая история православного богослужения, начиная со времен апостольских и до наших дней. Посты и праздники, посвященные Спасителю и Божией Матери, чередуются в нем с празднованием памяти святых. Каждый великий праздник имеет один или несколько дней предпразднства, которые готовят нас к достойной встрече праздника. За каждым праздником следует несколько дней попразднства, в которые человеческая душа живет тем, что было пережито в самый день праздника, и углубляет эти переживания.

Однако как бы разнообразно не было содержание служб отдельных дней годового круга, весь в целом он повторяет то, что мы уже видели в содержании малых кругов седмичного и суточного, которые, в свою очередь, отражают и развивают содержание службы всех служб — Божественной литургии. И в годовом круге раскрывается перед нашим духовным взором все та же тайна Божественной любви и домостроительства Божия, то же «единое тело истории», что и в литургии. Только путь, который во время литургии наша душа проходит в краткий отрезок времени, теперь разворачивается на протяжении целого года. Отдельные этапы этого пути в той или иной степени связываются с жизнью природы, со сменой времен года, которые включаются в символику богослужения так же, как в суточном круге используются символы вечера и ночи, утра и дня.

VI

Мы говорили уже о том, что, подобно тому как во Христе обитает вся полнота Божества телесно, так в земной жизни Его в полноте времени раскрывается тайна вечности, тайна предвечной любви Божией к миру и человеку, и что именно это откровение вечности во времени является содержанием православного богослужения. Если это действительно так, то у нас естественно должен возникнуть вопрос о том, как совершается приобщение человеческой души к этому откровению.

Другими словами, как возможно нам, живущим почти через 2000 лет после пришествия в мир Спасителя, приобщиться к этой полноте времени, сделаться участниками Его земной жизни, а через нее участниками вечной жизни? Не является ли вечная жизнь уделом тех, кто уже ушел из земной юдоли, а нам, еще продолжающим путь земного странствования, не приходится ли довольствоваться только воспоминаниями о том, что когда-то было и ушло в невозвратимое прошлое и что сохранено нам очевидцами этих великих событий? В применении к богослужению этот вопрос должен быть поставлен следующим образом: является ли богослужение только воспоминанием о том открытии вечности, которое некогда явлено было в земной жизни Христа Спасителя, подготавливающим нас к переходу в вечную жизнь после смерти, или же оно само является в каком-то смысле реальным открытием вечности, еще здесь на земле делающим нас участниками вечной жизни?

Чтобы ответить на этот вопрос, обратимся к самим богослужебным текстам и спросим об этом тех, кто по внушению Святого Духа составлял песнопения, посвященные праздникам Спасителя, Божией Матери и святых угодников Божиих.

Откроем службу первого великого праздника церковного года — праздника Рождества Богородицы. Первая стихира этой службы начинается такими словами: «Днесь, Иже на разумных престолах почиваяй Бог, Престол свят на земли Себе предуготова». Или в другой стихире: «Днесь неплодная Анна раждает Богоотроковицу от всех родов произбранную в жилище всех Царя». Или в службе Введения во храм Пресвятой Богородицы: «Днесь в храм приводится Всенепорочная Дева»²⁸. В службе Рождества Христова: «Днесь Христос в Вифлееме рождается от Девы, днесь Безначальный начинается и Слово воплощается»²⁹. В службе Преображения: «Иже древле с Моисеем глаголавый на горе Синайстей образы... днесь на горе Фаворстей преобразяся пред ученики»³⁰. В службе Недели Ваий: «Днесь Христос входит во град Вифанию на жребяти седая»³¹. В службе Великого Пятка: «Днесь Владыка тварей предстоит Пилату и кресту предается Зиждитель всех»³². И, наконец, в службе Святой Пасхи: «Днесь всяка тварь веселится и радуется, яко Христос воскрес, и ад пленится». «Днесь Владыка плени ада, воздвигнувый юзники, яже от века имаше люте содержимыя»³³.

Можно было бы привести еще много мест из различных служб Минен и Триоди, в которых так же, как и в приведенных текстах, говорится о празднуемых событиях не в прошедшем, а в настоящем времени, как о том, что происходит на наших глазах сегодня, чего мы сами являемся или, во всяком случае, можем явиться свидетелями. Это подчеркивание настоящего времени и постоянное употребление слова «днесь» не дает нам возможности сомневаться в том, что по крайней мере для святых песнописцев и составителей праздничных служб — преподобных Романа Сладкопевца, Иоанна Дамаскина, Космы Майюмского и других — празднуемые события не были только воспоминаниями, но реальными фактами духовной жизни Церкви и их собственной духовной жизни.

Это станет еще более ясным, если мы обратимся к службам предпразднств, в которых о тех же событиях говорится не как о настоящих, но как о имеющих еще совершиться в будущем. Из многих примеров приведем только один: если в кондаке праздника Рождества Хри-

²⁸ Стихира на хвалитех.

²⁹ Стихира на хвалитех.

³⁰ Стихира на стиховне.

³¹ Стихира по освящении ваий.

³² Стихира на Господи, воззвах.

³³ Запевы на 9-й песне канона.

стова говорится «Дева днесь Пресущественнаго раждает», но в кондаке предпразднства о том же событии говорится в будущем времени: «Дева днесь Превечное Слово в вертепе грядет родити неизреченно», то есть еще не «раждает», а только «грядет родити».

Может, однако, возникнуть предположение, что употребление настоящего времени вместо прошедшего и слово «днесь» в богослужебных песнопениях является лишь поэтическим приемом, которым их составители пользовались для придания большей живости своим описаниям, как это имеет место в светской художественной литературе³⁴. Для того, чтобы убедиться в том, что это не так, нам достаточно вспомнить один текст, в котором также употреблено слов «днесь» и притом в таком смысле, что усомниться здесь в реальности того, что выражено этим словом, значит разрушить все здание православной веры, усомниться в возможности и реальности нашего спасения.

«Вечери Твоя тайныя днесь, Сыне Божий, причастника мя прими...» С этой молитвой обращаемся мы к Господу всякий раз, когда, стоя перед святой Чашей, готовимся приступить к причащению Святых Таин. «Днесь», сегодня, Господи, и меня недостойного, вместе с Твоими святыми апостолами, сделай общником Твоей Тайной Вечери, потому что и ко мне обращены слова Твои: «Примите, ядите, сие есть Тело Мое, еже за вы ломимое во оставление грехов; и пейте от нея вси: сия есть Кровь Моя Нового Завета, яже за вы и за многия изливаемая». И Господь, по Своей милости, делает нас недостойных причастниками Своей Тайной Вечери.

Если это не так, то и святейшее таинство Евхаристии не есть приобщение Тела и Крови Господних. В этом случае, как это имеет место у протестантов, оно низводится «на степень простых поминок, сопровождаемых драматической обстановкой. Сами по себе, эти поминки ничем не отличаются от всяких других поминок»³⁵. Но для православного сознания несомненно, что момент совершения Евхаристии является именно тем моментом времени, в котором преодолевается «времени текущее естество». Таинство Евхаристии раскрывает для человека вечность во времени столь же реально, как и сама Голгофская жертва, и через нее человек, еще живя здесь на земле, становится причастником вечной жизни, ибо неложно обетование Спасителя: «Ядущий Мою Плоть и пьющий Мою Кровь имеет жизнь вечную, и Я воскрешу его в последний день» (Иоан. 6, 54).

Если в таинстве Евхаристии это приобщение к вечной жизни совершается в возможной для человека, живущего на земле, полноте, то через нее оно распространяется и на все вообще богослужение, которое таким образом является не воспоминанием только о некогда бывшем откровении вечности, но всякий раз новым ее откровением в жизни Святой Церкви.

Богослужение — это врата вечности. Врата эти открыты всегда и для всех, но не все входят ими, не все видят таинства веры, открывающиеся перед нами в богослужении, потому что человек «в большинстве случаев не подготовлен, недостоин, чтобы жить этой жизнью, чувствовать ее величие и спасительность, проникаться ею, обожаться»³⁶.

VII

Мы говорили в начале этой статьи, что православное богослужение есть встреча неба и земли, восхождение человека к Божественной жизни и нисхождение Бога с неба на землю, что оно есть не только наше слу-

³⁴ Например у Пушкина при описании Полтавского боя.

³⁵ Хомяков А. С., Сочинения, т. II, М., 1881, стр. 131.

³⁶ Иоанн Сергиев, прот., Моя жизнь во Христе, ч. 3, СПб, 1894, стр. 63

жение Богу, но также, и притом в первую очередь, служение Бога человекам, потому что истинным совершителем всех таинств церковных, истинным архиереем, совершающим все богослужение, является Господь Иисус Христос. В дальнейшем мы пытались раскрыть основные черты богослужебного опыта Церкви, имея в виду именно эту его сторону — нисхождение неба на землю. Мы говорили об образе этого нисхождения; говорили о том, что в богослужении Бог Невидимый является нам в видимых образах, Бог Единый прославляется в сонме святых, Бог Превечный является нам во времени. Теперь нам предстоит рассмотреть другую сторону этой богочеловеческой жизни — образ восхождения человека к небу через посредство богослужения.

Мы уже говорили, что хотя Бог является нам в богослужении в видимом образе и во времени, и все, что дано нам в богослужении — внешнее, земное, видимое — должно служить для нас ступенями к истинной и Божественной жизни, не все, входящие в храм Господень и говорящие: «Господи, Господи!», восходят по этим ступеням. Для того, чтобы взойти по ним, необходимо соответствующим образом приготовить и устроить свою душу. «Ибо хотя Бог подает нам всякую святыню туне, и мы ничего не можем принести Ему, и Его дары суть в строжайшем смысле дары; однако же Он настоятельно требует от нас, чтобы мы были способны и принять святыню, и сохранить ее; людям, не приготовленным к сему, Он и не подал бы освящения»³⁷. Без соблюдения этого условия человек не может приобщиться к Божественной жизни, и все, что в богослужении дано как символ этой жизни, остается для него внешним явлением, не имеющим духовного смысла.

Хорошо говорит об этом в одном из своих поучений преп. Симеон Новый Богослов: «Не считай, возлюбленный, годы, месяцы и круговращения праздников и не говори: вот отпраздновал я Рождество Христово, Богоявление, Сретение, Воскресение, Вознесение и Пятидесятницу. Не пересчитывай отпразднованных праздников и не думай, что этого достаточно для спасения души. Не думай также, что если есть светлое убранство, свечи и лампады и множество народа, то тут и весь праздник. Не это делает светлым праздник и не в этом одном состоит празднество: это только видимость празднественная»³⁸. Для того, чтобы это видимое и временное, в чем является нам празднование, стало для нас вратами в жизнь вечную, нужно, чтобы мы возгревали и воспитывали в себе соответствующие содержанию богослужения и его духовному смыслу мысли, чувства и настроения. Истинно празднующим и участвующим в богослужении является тот, кто не останавливается только на видимой и временной его стороне, но «умом премудрым рождает помышления духовные и восторгается к созерцанию празднественного веселия, имеющего быть в будущей жизни, и им сердечно соудлаждается, как бы там уже был самым делом и духовно праздновал со ангелами и святыми, у которых на небе всегда праздник»³⁹. Другими словами, хотя в богослужении благодать Божия всегда нисходит к нам, мы не всегда оказываемся способными к ее восприятию и усвоению.

Необходимым условием усвоения той благодатной жизни, которая открывается в богослужении, является покаяние, очищение человеческой души от греха, внутренняя решимость вступить в сокровенный завет с Господом и последовать за Ним по Его пути. «Приидите убо и мы очищенными смыслами шествуем Ему и сраспнемся, и умертвимся Его ради житейским слаstem, да и оживем с Ним», — призывает нас Святая Церковь в службе Понедельника Страстной седмицы»⁴⁰. Тот, кто

³⁷ Николай Кавасила, Изъяснение Божественной литургии, гл. I. — Писания св. отцов о богослужении, т. III, СПб, 1857, стр. 291.

³⁸ Слово 41, «Слова» в переводе еп. Феофана, т. I, стр. 334.

³⁹ Преп. Симеон Новый Богослов, там же, стр. 337.

⁴⁰ Стихира на хвалитех.

с решимостью вступает на этот путь и идет по нему, следуя за Господом Иисусом Христом, сподобляется услышать блаженный глас Господа, говорящего: «Совозвышу вас, в горний Иерусалим, в Царство Небесное». Это возвышение человеческой души в горний Иерусалим начинается уже здесь *на земле. Вершиной того, что можем мы получить в нашей земной жизни, является богослужение Святой Пасхи, во время которого мы с ликованием восклицаем: «Светися, светися, новый Иерусалиме, слава бо Господня на тебе воссия»⁴¹.

Однако и здесь необходимым условием видения этого света является очищение души. Первый тропарь первой песни Пасхального канона начинается словами: «Очистим чувства и узрим неприступным светом воскресения Христа блистающая, и радуйтесь, рекуща, ясно да услышим, победную поюще». Еще яснее и глубже мысль о связи праздника с духовной жизнью человека и возрождением его души выражена в следующей песне Пасхального канона: «Вчера спогребохся Тебе, Христе, совостаю днесь воскресшу Тебе, сраспинахся Тебе вчера, Сам мя прослави, Спасе, во Царствии Твоем»⁴².

Здесь область литургики теснейшим образом соприкасается с областью аскетики. Для человека, с решимостью следующего за Христом, каждый праздник становится не только новым явлением благодати Божией, но и новым событием его внутренней духовной жизни. Тогда начинается сокровенная жизнь человека со Христом, и он становится способным внутри себя, в храме своей души, увидеть то, что объективно явлено нам через богослужение, совершающееся в храме. «Когда мы, при исповедании страстей Христа Господа, входим во гроб покаяния и смирения, Он Сам сходит с небес, входит в тело наше, как во гроб, соединяется с душами нашими и воскрешает их, мертвых сущих по грехам, и воскресив, дает благодать видеть славу сего таинственного воскресения»⁴³. Тогда становимся мы способными не только веровать воскресению Христову, но, по слову церковной песни, видеть Его и поклоняться Воскресшему Господу.

То, что сказано здесь о празднике Воскресения Христова, полностью относится и к другим праздникам Господним. Если в праздник Воскресения Христова совершается таинственное воскресение нашей души, то в праздник Рождества Христова сердце наше должно стать вертепом, в котором рождается Превечное Слово; в праздник Сретения мы вместе с Симеоном и Анной встречаем Его, грядущего в храм нашей души, а в дни Страстей Господних соумираем Ему и приносим таинственную жертву на алтаре нашего сердца. Так все, что дано нам в богослужении, оказывается теснейшим образом связано с нашей духовной жизнью. Связь эта с особой глубиной и силой выражена в одной из молитв, читаемых перед святым причастием: «Христе Иисусе, Премудросте Божия, и Мире, и Сило! Твоим восприятием животворящая и спасительная страдания восприемый, крест, гвездия, копие, смерть, умертви моя душетленные страсти телесныя. Погребением Твоим адова пленивый царствия, погребти моя благими помыслы лукавая советования и лукавствия духи разори. Тридневым Твоим и живоносным воскресением падшего праотца восставивый, восстави мя грехом поползшагося, образы мне покаяния предлагая. Преславным Твоим вознесением плотское обоживый восприятие, и сие десным Отца седением почтый, сподоби мя причастием святых Твоих Таин десную часть спасаемых получить. Снятие Утешителя Твоего Духа сосуды честныя священныя Твоя ученики соделавый, приятелище и мене покажи Того пришествия»⁴⁴. Здесь каждое событие земной жизни Спасителя, каждый праздник церковный

⁴¹ Канон Пасхи. Ирмос 9-й песни.

⁴² Канон Пасхи. Песнь 3-я.

⁴³ Преп. Симеон Новый Богослов, Слово 42, там же, стр. 345.

⁴⁴ Последование ко Святому Причащению, молитва 3-я, Симеона Метафраста.

оказывается особыми, ему одному свойственными, нитями связан с духовной жизнью человека.

Мы видим таким образом, что богослужение есть не только открытие Божественной жизни на земле, но являет в себе также и путь восхождения человека к этой Божественной жизни. Те самые образы, в которых открывается нам Бог, теперь становятся для нас ступенями нашего восхождения к Богу, через посредство которых мы восходим к прославлению Единого и Невидимого Бога: «Честь бо образа на Первообразное восходит», как говорит св. Василий Великий. И то самое время, в котором открывается нам тайна вечности, становится для нас путем, ведущим в вечную жизнь. «Преиди времени текущее естество, яко прежде ковчег, и земли оныя буди во одержании обетования, душе, Бог повелевает»⁴⁵.

Эта вторая, субъективная сторона богослужебного опыта, которую мы можем назвать аскетической, необходимо связана со всею жизнью человека. Для человека, воспитывающего в себе такое устроение, при котором каждый праздник переживается им, как событие его внутренней духовной жизни, вся жизнь становится богослужением, а то, что мы обычно называем богослужением, является лишь наиболее ярким проявлением и вершиной этого внутреннего делания. Эта аскетическая сторона богослужебного опыта получила весьма широкое и глубокое отражение в содержании богослужения. По словам Николая Кавасилы, пособием и приготовлением к усвоению благодатной жизни «служат молитвы, псалмопения, чтения из священных книг, одним словом, все, что свяшенно совершается и возглашается в храме»⁴⁶. «Они освящают нас и благоустраивают, то к надлежащему приятию святыни, то к сохранению и дальнейшему соблюдению ее в себе»⁴⁷.

По толкованию Николая Кавасилы, молитвы, песнопения и обряды, совершаемые в храме, двояким образом освящают участвующих в богослужении верных. С одной стороны, они обращают нас к Богу, испрашивают нам отпущение грехов, умилоствуют Бога и привлекают к нам помощь свыше. Иными словами, они служат для нас пособиями в нашем восхождении к Богу. С другой стороны, поскольку во всем, «что совершается священнослужителями во все продолжение священнодействия, изображается домостроительство Спасителя»⁴⁸, они служат для нас как бы средою, через посредство которой открывается нам вечная жизнь в Боге. Так что у тех, кто смотрит на них, все обстоятельства находятся как бы перед глазами. Так одно и то же может и вести верных к добродетели, и изображать домостроительство Христово.

Однако есть в богослужении и такие молитвы и песнопения,— и их очень много,— которые имеют отношение только к нравственно-аскетической его стороне. Они не раскрывают нам тайн Божьего домостроительства, но лишь очищают наши души и сердца, приготовляя их к тому, чтобы сделать их способными к восприятию этих таинств. Таковы, например, ектении, и в особенности просительная, имеющая непосредственное отношение к нашей внутренней жизни, многие тайные священнические молитвы, читаемые на вечерне, утрени и литургии, и целый ряд песнопений. Из них следует особо отметить покаянные стихиры и трипеснцы Святой Четыредесятницы и степенны, которые поются перед чтением Евангелия на воскресной утрени.

Очень часто в богослужении песнопения, раскрывающие нам духовный смысл празднуемых событий, чередуются с такими, назначение которых — очистить нашу душу и сделать ее способной к восприятию

⁴⁵ Канон Великий св. Андрея Критского. Песнь 6-я.

⁴⁶ Изъяснение Божественной литургии, гл. I. — Писания св. отцов о богослужении, т. III, СПб, 1857, стр. 291.

⁴⁷ Там же, стр. 292.

⁴⁸ Там же, стр. 293.

этого духовного смысла. Это чередование можно наблюдать в кондаках и икосах большей части двенадцатых праздников. Если кондак раскрывает нам духовный смысл праздника, то икос обращается или к нашей душе, призывая нас к восприятию этого смысла, или же представляет собою молитвенное обращение к Богу, испрашивающее нам благодатную помощь. Таковы, например, икосы праздника Преображения Господня и Пятидесятницы.

Так в сочетании нравственно-аскетической и благодатной стороны богослужения совершается жизнь человеческой души в богослужебном круге. Жизнь эта всегда есть путь, восхождение от низших ступеней к высшим, и, вместе с тем, будучи образом вечной жизни, она включает в себя элементы кругообращения, потому что круг есть символ вечности. Восходя по ступеням духовного опыта, мы в богослужении снова и снова возвращаемся к одним и тем же событиям и в малом круге литургии, и в объемлющем его круге суточных служб, и, наконец, в наибольшей полноте в годовом богослужебном круге. Но, возвращаясь многократно к одному и тому же духовному содержанию, мы, если душа наша подлинно живет в богослужении, всякий раз восходим на новую ступень духовного опыта и постижения благодатной жизни, всякий раз раскрываем новые и новые стороны духовного опыта. Тогда чин священнодействия будет служить для нас «выражением того созерцания, которое могло бы возбуждать в нас такие чувства, чтобы мы не умом только размышляли, но некоторым образом видели глубокую нищету Богатого, странническую жизнь Того, Кто объемлет всякое место, перенесение оскорблений Благословенным, страдания Бесстрастного, и таким образом пораженные удивлением при виде неожиданного спасения, изумленные множеством Его щедрот, мы почтили бы Того, Кто оказал нам такую милость, Кто даровал нам такое спасение, вверили Ему свои души, предали Ему свою жизнь и воспламенили сердце огнем любви к Нему»⁴⁹.

Прот. К. Константинов

СМЫСЛ И ЯЗЫК ИКОН

I

Моленные иконы (εἰκών — образ, портрет) первых веков христианства до нас не дошли, но о них сохранились как церковные предания, так и исторические свидетельства. Церковное предание возводит первые иконы ко времени жизни Самого Спасителя и непосредственно после Него. Как известно, портретное искусство процветало в Римской империи в эту эпоху. Делались портреты и людей близких, и людей почитаемых. Поэтому нет никаких оснований полагать, что христиане, особенно из язычников, составляли исключение из общего правила, и это тем более, что в самом еврействе, хранившем ветхозаветный запрет образа, в эту эпоху существовали течения, допускавшие человеческие изображения. В Истории Церкви Евсевия мы находим, например, следующую фразу: «Я видел множество портретов Спасителя, Петра и Павла, которые таким образом сохранились до нашего времени»¹. Перед этим Евсевий подробно останавливается на описании статуи Спасителя, виденной им в городе Панаде (Кесарии Филипповой в Палестине), воздвигнутой кровоточивой женой, исцеленной Спасителем (Мф. 9, 20—22; Мрк. 5, 25—34; Лк. 8, 43—48)².

⁴⁹ Там же, стр. 297—298.

¹ Евсевий, епископ Кесарии Каппадокийской (265—340), История Церкви, кн. 7, гл. XVIII, P. G. 20, col. 680.

² Предполагается, что барельеф на одном из саркофагов IV века, хранящихся в Латранском музее, является воспроизведением этого памятника.

Имеется церковное предание, указывающее на существование иконы Спасителя при Его жизни и икон Божией Матери непосредственно после Него. Это предание свидетельствует о том, что с самого начала существовало ясное понимание значения и возможностей образа, что отношение к нему Церкви неизменно, ибо это отношение вытекает из самого ее учения о Боговоплощении. Учение же это показывает, что образ изначально присущ самой сущности христианства, ибо христианство есть откровение не только Слова Божия, но и Образа Божия, явленного Бого-человеком. «Бога не видел никто никогда; Единородный Сын, сущий в недре Отчем, Он явил» (ἐξηγήσατο) (Иоан. 1, 18), явил образ — икону Бога. Через воплощение Бог Слово — будучи сиянием славы и Образом Ипостаси Его [Отца] (Евр. 1, 3) — являет миру в Божестве Своем и Образ Отчий. На просьбу Филиппа: «Господи, покажи нам Отца», Господь отвечает: «Столько времени Я с вами и ты не знаешь Меня, Филипп? Видевший Меня, видел Отца». (Иоан. 14, 8—9). Как «в лоне Отчем», так и по воплощении Сын единосущен Отцу, будучи по Божеству равночестным Его начертанием. Эта раскрывшаяся в христианстве истина и лежит в основе его изобразительного искусства. Поэтому категория образа, иконности, начертания не только не противоречит сущности христианства, но, будучи основной его истиной, является неотъемлемой его принадлежностью. На этом и утверждается предание, показывающее, что проповедь христианства миру изначально ведется Церковью и словом и образом. Исходя именно из этого, и Отцы Седьмого Вселенского Собора могли сказать: «Иконописание вовсе не живописцами выдуманно, а напротив того, оно есть одобренное законоположение и предание Кафолической Церкви и существовало еще во времена апостольской проповеди»³. Эта изначальная присущность образа христианству и объясняет, почему он появляется в Церкви, и, как нечто само собой разумеющееся, молча и неприметно, несмотря на ветхозаветный запрет и противодействие, занимает в церковной практике принадлежащее ему место. В IV веке уже целый ряд отцов Церкви, как, например, свв. Василий Великий, Григорий Богослов, Иоанн Златоуст и другие, ссылаются в своей аргументации на изображения как на нормальное и общепринятое церковное установление⁴.

Как выглядели иконы первых веков христианства, мы не знаем и для суждения об этом не имеем никаких данных. Однако об общем направлении искусства этого периода, на основании последних исследований, можно иметь довольно ясное представление. В своем капитальном труде по истории Византийского искусства В. Н. Лазарев, разбирая ту сложную обстановку, в которой возникло раннее христианское искусство, и опираясь на целый ряд предыдущих исследований, приходит к следующему выводу: «Примыкая во многом к античности, особенно к ее позднейшим, спиритуализированным формам, оно тем не менее ставит себе уже с первых веков своего возникновения ряд самостоятельных задач.

³ Деяния Собора. Русский перевод, изд. Казанской духовной академии, Казань, 1873, Деяние 6, стр. 469.

⁴ Так, например, св. Василий Великий в беседе 17-й на день св. мученика Варлаама говорит: «Встаньте теперь передо мною вы, живописатели подвижнических заслуг... Пусть буду побежден вашим живописанием доблестных дел мученика; ...посмотрю на этого борца, живей изображенного на вашей картине... Да будет изображен на картине и Подвигоположник в борьбах Христос...» В этом смысле характерно известное наставление одного из величайших аскетических писателей древности, св. Нила Синайского (†430 или 450 г.), префекту Олимпиодору, построившему храм и собиравшемуся расписать его жанровыми сценами и декоративными сюжетами. Св. Нил пишет: «Пусть рука превосходнейшего живописца наполнит храм с обеих сторон изображениями Ветхого и Нового Завета, чтобы те, кто не знает грамоты и не может читать Божественных Писаний, рассматривая живописные изображения, приводили себе на память мужественные подвиги искренне послуживших Богу и возбуждались к соревнованию достославным и приспомятым доблестям, по которым землю обменяли на небо, предпочтя видимое невидимому». S. Nili, Epist., P. G. 79, 577.

Это отнюдь не христианская античность, как это стремился доказать Зибель⁵. Новая тематика раннего христианского искусства не была чисто внешним фактом. Она отражала новые мировоззрения, новую религию, принципиально новое понимание действительности. И поэтому данная тематика не могла облекаться в старые, античные формы. Она нуждалась в таком стиле, который наилучшим образом воплощал бы спиритуалистические идеалы христианства. К выработке этого стиля и были направлены все творческие усилия христианских художников»⁶. Далее автор, ссылаясь на работу Дворжака⁷, говорит о том, что уже в росписях катакомб складывается, в своих основных чертах, новый стиль.

Тематика росписей катакомб, где, начиная с I и II веков, кроме аллегорически-символических изображений (якорь, рыба, агнец и друг.), имеется целый ряд изображений Ветхого и Нового Завета, показывает, что она совершенно соответствует священным текстам, библейским, литургическим и святоотеческим. Основным принципом этого искусства является образное выражение учения Церкви через изображение конкретных событий Священной Истории и указание на их внутреннее значение⁸. Призванное не отражать проблематику жизни, а отвечать на нее, оно с самого начала является проводником евангельского учения. Здесь уже складывается в основных чертах характер церковного искусства. Иллюзорное трехмерное пространство уступает место реальной плоскости, связь между фигурами и предметами становится условно-символической. Образ сводится к минимуму деталей и максимуму выразительности. Подавляющее большинство фигур изображается обращенными лицом к молящимся, так как важно не только действие и взаимодействие изображенных лиц, но и их состояние, обычно молитвенное. Художник жил и мыслил образами и приводил формы к предельной простоте, глубина содержания которой доступна только духовному взору; он очищал свое произведение от всего личного, оставался анонимным, и его главной заботой была передача традиции. Он понимал, что, с одной стороны, нужно оторваться от чувственного наслаждения, с другой стороны, что для выражения духовного мира надо пользоваться всей видимой природой, ибо, чтобы передать мир, невидимый чувственному взору, нужен не расплывчатый туман, а, наоборот, особая четкость и точность выражения, так же как для передачи понятия о горнем мире свв. отцы употребляют особенно точные и ясные выражения.

Красота раннего христианского искусства главным образом в том, что оно не было еще развитием содержащейся в нем полноты, а лишь обещанием бесконечных возможностей.

Связь этого искусства со священными текстами не значит, что оно было оторвано от жизни. Помимо того, что оно говорит на художественном языке своей эпохи, связь его с жизнью выражается не в изображении того или иного бытового или психологического момента жизни и деятельности человека, а в изображении самой этой деятельности, как, например, разных видов труда, профессий, в знак того, что труд, посвященный Богу, освящается. Кроме того, уже сама тематика этого искусства, как мы уже сказали, не отражает проблематику жизни, а отвечает на нее. В эту эпоху мученичества мучения не показываются,

⁵ «Christliche Antike», I—II, Marburg, 1906—1909; Das Werden Christlicher Kunst, «Repert. f. Kunst», w. 1910, S. 118—129; «Frühchristliche Kunst», München, 1920.

⁶ В. Н. Лазарев, История византийской живописи, М., 1947, стр. 38.

⁷ «Katakombenmalerei. Die Anfänge der Christlichen Kunst» («Kunstgeschichte als Geistesgeschichte»), München, 1924.

⁸ Смысл отдельных изображений иногда становится ясным только при сопоставлении с другими, среди которых они находятся, как, например, в серии из трех изображений: 1) рыбак, вытаскивающий рыбу из воды, 2) крещение и 3) расслабленный, несущий свой одр. Первое изображение является символом обращения в христианство, затем показывается через крещение исцеление от грехов и недугов. (Рим, катакомба Каллиста).

так же как не описываются они в литургических текстах. Показывается не само мучение, а, как ответ на него, то отношение, которое должно быть к нему. Отсюда широкое распространение в росписях катакомб таких тем, как, например, Даниил во рву львином, мученица Фекла и другие.

Христианское искусство с первых веков глубоко символично, и символика эта не была явлением, свойственным исключительно этому периоду христианской жизни. Она не отделима вообще от церковного искусства потому, что та духовная действительность, которую оно выражает, не может быть передана иначе, чем символами. Однако в первые века христианства символика эта в большой мере иконографическая, то есть сюжетная. Так, например, чтобы указать на то, что изображенная женщина с ребенком — Божия Матерь, рядом с Ней изображается пророк, указывающий на звезду (Валаам?)⁹; как указание на то, что крещение есть вступление в новую жизнь, крещаемый, даже взрослый человек, изображается отроком или младенцем и т. д.

Через классические традиции александрийского искусства, сохранившего в наиболее чистом виде греческий эллинизм¹⁰, христианское искусство становится наследником традиций античного искусства Греции. Оно привлекает элементы искусства Египта, Сирии, Малой Азии и друг., воцерковляет полученное наследие, привлекая его достижения для полноты и совершенства своего художественного языка, перерабатывая все это сообразно с требованиями христианской догматики¹¹. Другими словами, христианство избирает и воспринимает из языческого мира все то, что было его, то есть «христианством до Христа», — все, что рассеяно в нем как отдельные, ущербленные частицы истины, объединяет их, приобщая к полноте откровения. «Как этот хлеб был рассеян по холмам и, будучи собран, стал единым, так да будет собрана Церковь Твоя от концов земли в Твое Царство», — гласит характерная в этом смысле Евхаристическая молитва древних христиан¹². Этот процесс собирания есть не влияние языческого мира на христианство, а влияние в христианство того из языческого мира, чему было свойственно в него вливаться, не проникновение в Церковь языческих обычаев, а воцерковление их, не «паганизация христианского искусства», как это часто считается, а христианизация искусства языческого.

Приобщение к полноте откровения касается всех сторон человеческой деятельности. Воцерковляется все то, что присуще Богом созданной человеческой природе, в том числе и творчество, освящающееся через причастие к строительству Царствия Божия, осуществляемому в мире Церковью. Поэтому то, что принимается ею от мира, определяется необходимостью не Церкви, а мира, ибо в этом приобщении его к строительству Царствия Божия (в зависимости, конечно, от его свободной воли) есть основной смысл его существования. И, наоборот: основной смысл существования самой Церкви в мире есть приобщение этого мира к полноте откровения, его спасение. Поэтому и собирательный процесс, начавшийся в первые века христианства, есть нормальное, а потому и непрекращающееся действие Церкви в мире. Иначе говоря, процесс этот не ограничивается каким-либо отдельным периодом ее существования, а является ее постоянной функцией. В порядке своего строительства Церковь принимает и будет до конца принимать извне все, что является подлинным, истинным, хотя и ущербленным, восполняя то, чего в нем недостает.

⁹ Римская катакомба Прискиллы, II века.

¹⁰ В. Н. Лазарев, цит. соч., т. I, стр. 48.

¹¹ При таком сложнейшем процессе формирования христианского искусства выводить происхождение христианского образа из египетского надгробного портрета, как это иногда делается, есть крайнее упрощение его генезиса, неверное ни исторически, ни догматически.

¹² Дидахи, гл. IX, ст. 4.

Этот процесс не есть обезличивание. Церковь не отменяет особенностей, связанных с человеческой природой, со временем или местом (например, национальных, личных и др.), а освящает их содержание, вливая в него новый смысл. Особенности же эти, в свою очередь, не нарушают единства Церкви, а вносят в нее новые, свойственные им формы выражения. Таким образом, осуществляется то единство в многообразии и богатство в единстве, которое в целом и в деталях выражает соборное начало Церкви. В применении к художественному языку оно означает не единообразие или некий общий шаблон, а выражение единой истины разнообразными, свойственными каждому народу, времени, человеку, художественными формами, которые позволяют отличать иконы различных национальностей и различных эпох, несмотря на общность их содержания.

II

Как мы сказали выше, в сознании Церкви домостроительство спасения органически связано с образом. Поэтому и учение о нем является не чем-либо обособленным, то есть придатком, но вытекает из учения о спасении, будучи его неотъемлемой частью. Оно во всей своей полноте изначала присуще Церкви, но, как и другие стороны ее учения, утверждается постепенно, в ответ на нужды момента, как, например, в 82-м правиле Пято-Шестого (Трульского) Собора, или в ответ на ереси и заблуждения, как это было в период иконоборчества. Здесь произошло то же самое, что было с догматической истиной Боговоплощения. Она исповедывалась первыми христианами более практически, самой их жизнью, не имея еще достаточно полного теоретического выражения; но потом в силу внешней необходимости, ввиду появления ересей и лжеучений, она была точно формулирована. Так было и с иконой: начало ее догматического обоснования полагается Трульским Собором 691—692 гг. в связи с изменением символики церковного искусства, на пути развития которого указанное правило является одним из важнейших этапов, так как здесь впервые дается ему принципиальное направление. 82-е правило Пято-Шестого Собора гласит: «На некоторых изображениях честных икон начертывается указываемый пальцем Предтечи агнец, который принят во образ благодати, представляя предуказанного нам законом истинного Агнца, Христа Бога нашего. Итак, с любовью принимая древние образы и сени, как символы и предначертания истины, преданные Церкви, мы предпочитаем благодать и истину, принимая ее как исполнение закона. Итак, чтобы хотя посредством картин представить совершение глазам всех, мы определяем запечатлевать отныне на иконах по человеческому образу вместо древнего агнца — Агнца, вземлющего грех мира, Христа Бога нашего, чтобы через это усмотреть высоту смирения Бога Слова и руководиться к воспоминанию Его жизни во плоти, страдания и спасительной смерти и происшедшего отсюда искупления миру».

Правило это является прежде всего ответом на существовавшее в это время положение, при котором в церковной практике, наряду с историческими изображениями, продолжали употребляться символы, заменявшие человеческий образ Бога¹³. Значение 82-го правила заключается,

¹³ В связи с изменением, происшедшим в положении Церкви, получившей при св. Константине право легального существования в Римской империи изменился и характер церковного искусства. В это время в Церковь хлынула толпа новообращенных, для которых потребовались более обширные храмы и соответствующее изменение характера проповеди. Символы первых веков, бывшие достоянием небольшого количества посвященных, для которых их содержание и смысл были ясны и понятны, стали менее понятны для этих новообращенных. Поэтому, для более доступного усвоения ими учения Церкви, появилась потребность более конкретного и ясного образного выражения. В связи с этим в IV и V веках появляются большие исторические циклы евангель-

во-первых, в том, что в основе его лежит связь иконы с догматом об истине Боговоплощения, с жизнью Христа во плоти, то есть начало обоснования ее христологическим догматом, которым впоследствии широко воспользуются и которое дальше раскроют апологеты иконопочитания в период иконоборчества. Кроме того, Собор отменяет, как этап уже пройденный, употребление символических сюжетов, заменявших человеческий образ Иисуса Христа. Правда, Собор упоминает лишь один символический сюжет: агнца. Однако вслед за этим он говорит вообще о «древних образах и сеньях», видя в агнце, очевидно, не только один из символов, но основной из них, раскрытие которого, естественно, ведет за собой раскрытие и всех других символических сюжетов. Свое определение он обосновывает исполнением ветхозаветных прообразов в Новом Завете и предписывает переход от изображения ветхозаветных и первохристианских символов к изображению того, что они предображали, к раскрытию их прямого смысла, к тому, что явлено во времени и потому стало доступным чувственному восприятию, изображению и описанию. Образ, явленный в ветхозаветном символе, через воплощение становится реальностью, которая, в свою очередь, является образом славы Божией, образом «высоты смирения Бога Слова». Сам сюжет, изображение Иисуса Христа, является свидетельством Его пришествия и жизни во плоти, кенозиса Божества, Его смирения, уничижения. А то, как изображается это смирение, как передается оно в изображении, отражает славу Божию. Другими словами, уничижение Бога Слова показывается таким образом, что, глядя на него, мы видим и созерцаем в Его «рабьем зраке» Его Божественную славу — человеческий образ Бога Слова, и через это познаем, в чем заключается спасительность Его смерти, в чем заключается искупление мира. Последняя часть 82-го правила указывает в чем заключается назначение символики иконы. Назначение это не в том что изображается, а в том как изображается, то есть в способе изображения. Иначе говоря, учение Церкви передается не только тематикой образа, но и самим способом выражения. Таким образом определение Пято-Шестого Собора, полагая начало формулировки догматического обоснования иконы, указывает в то же время на возможность при помощи символики дать в искусстве отображение славы Божией. Оно подчеркивает всю важность и значение исторической реальности, выделяя реалистический образ как единственный, могущий передать учение Церкви, и определяет все остальное («образы и сени»), как не выражающее полноты благодати, хотя и достойное уважения и могущее соответствовать нуждам известной эпохи. Этим иконографический символ отнюдь не упраздняется, но становится

ских и ветхозаветных событий, большие монументальные росписи. В этот период устанавливается большинство главных церковных праздников и в основных чертах соответствующих им композиций икон, которые в Православной Церкви существуют и по сию пору. Следует отметить, что тематика церковного искусства в это время уже часто носит определенный догматический характер ответа на встающие в области веры вопросы, отражая догматическую борьбу Церкви с существующими ересями. Например, в ответ на ересь арианства, осужденную Первым Вселенским Собором (325 г.), по сторонам изображения Спасителя помещаются альфа и омега (Апок. 22, 13), как указание на единичность Иисуса Христа Богу Отцу (Louis Bréhier, «L'Art Chrétien», Париж, 1928, стр. 67). После осуждения Нестория Эфесским Собором 431 г. и торжественного провозглашения истины Богоматеринства, появляется торжественное изображение Божией Матери на троне с Богомладенцем. Этой же теме борьбы с несторианством посвящен целый цикл изображений в церкви св. Марии Великой в Риме, подчеркивающий Богомладенчество Спасителя и значение Божией Матери. Борьбу с учениями Нестория и Евтихия отражали и росписи храмов VI века св. Софии и св. Апостолов в Константинополе (В. Н. Лазарев, цит. соч., стр. 51). Догматическая борьба проводилась и в последующие века. Так, например, с концом иконоборческого периода особенное распространение получает образ Спаса Эммануила, как свидетельство о Боговоплощении. Этот образ применяется в борьбе против ереси жидовствующих в России в XV веке. Против этой же ереси в XV—XVI вв. появляется в иконографии целый ряд новых тем, показывающих преемственность Нового Завета от Ветхого.

средством вспомогательным, второстепенным. По существу это правило полагает начало иконописного канона, то есть известного критерия литургичности образа, подобно тому как канон в словесном и музыкальном творчестве определяет литургичность текста или песнопения. Он утверждает принцип соответствия иконы Священному Писанию и определяет, в чем состоит это соответствие, то есть историческую реальность и ту символику, которая действительно отражает грядущее Царствие Божие.

Таким образом Церковь постепенно создает новое — как по содержанию, так и по форме — искусство, которое в образах и формах материального мира передает откровение мира Божественного, делает этот мир доступным созерцанию и разумению. Искусство это развивается вместе с богослужением и, так же как богослужение, выражает учение Церкви, соответствуя слову Священного Писания. Это соответствие образа и слова было особенно ясно выражено определением восстановившего иконопочитание Седьмого Вселенского Собора. В лице отцов этого Собора Церковь, отвергнув компромиссное предложение почитать иконы наравне со священными сосудами, установила почитание их наравне с Крестом и Евангелием: с Крестом как отличительным знаком христианства, и Евангелием как полным соответствием образа словесного и образа видимого¹⁴. «Храним же не нововводно все писанием или без писания установленные для нас церковные предания, от них же едино есть иконного живописания изображение, якоже повествованию евангельския проповеди согласующее... Яжебо едино другим указуются, несомненно едино другим уясняются» — гласит определение священного Собора. Из этого определения явствует, что Церковь видит в иконе не просто искусство, служащее для иллюстрации Священного Писания, но полное ему соответствие, а следовательно, придает иконе то же, что и Священному Писанию, догматическое, литургическое и воспитательное значение. Как слово Священного Писания есть образ, так и образ есть то же слово. «Что слово сообщает через слух, то живопись показывает молча через изображение», — говорит св. Василий Великий¹⁵, и «этими двумя способами, взаимно друг другу сопутствующими,... мы получаем познание об одном и том же»¹⁶. Другими словами, икона содержит и проповедует ту же истину, что и Евангелие, а следовательно, так же как и Евангелие, основана на точных, конкретных данных, а никак не на вымысле, ибо иначе она не могла бы ни разъяснять Евангелие, ни соответствовать ему.

Таким образом икона приравнивается к Священному Писанию и Кресту как одна из форм откровения и богопознания, в которой совершается сочетание Божественных и человеческих воли и действий. И то, и другое, помимо своего прямого значения, являет отражение горнего мира; и то и другое есть символ Духа, Который в них заключается. Следовательно, как содержание слова и образа, так и значение и роль их одни и те же. Образ, так же как и богослужение, является проводником догматических определений и выражением благодатной жизни Священного Предания в Церкви. Через богослужение и через икону откровение становится достоянием и жизненным заданием верующего народа. Поэтому с самого начала церковное искусство получает и форму, соответствующую тому, что оно выражает. Церковь создает совершенно особую категорию образа, соответствующую ее природе, само назначение которого обуславливает его особый характер. Церковь, «Царство не

¹⁴ Поэтому и понять образ праздника или святого, разобрать смысл и значение его деталей невозможно, не зная соответствующей ему службы, а для иконы святого, кроме того, и его жития. Именно поверхностностью, а иногда и полным отсутствием знакомства с ними грешат, как правило, существующие разборы и объяснения икон.

¹⁵ Беседа 19, на св. сорок мучеников, Р. G. 31, col. 509 A.

¹⁶ Деяния Собора, Деяние 6.

от мира сего» (Иоан. 18, 36), живет в мире и для мира, для его спасения. Она имеет особую, отличную от мира природу и служит миру именно тем, что она отлична от него. Поэтому и проявления Церкви, через которые она осуществляет это служение, будь то слово, образ, пение и т. д., отличаются от аналогичных проявлений мира. Все они носят печать надмирности, которая и внешне выделяет их из мира. Архитектура, живопись, музыка, поэзия перестают быть видами искусства, идущими каждый своим путем, независимо от других, в поисках свойственных ему эффектов, и становятся частями единого литургического целого, которое, отнюдь не умаляя их значения, предполагает отказ каждого из них от самостоятельной роли, от самоутверждения. Все они, из искусств с самостоятельными целями, превращаются в разнородные средства, выражающие каждое в своей области одно и то же: сущность Церкви, то есть становятся разнородными средствами Богопознания. Отсюда следует, что церковное искусство, по самому существу своему, является искусством литургическим. Литургичность его не в том, что образ обрамляет богослужение или его дополняет, а в их совершенном соответствии. Таинство действуемое и таинство изображенное едины, как внутренне, по своему смыслу, так и внешне, по той символической, которая этот смысл выражает. Поэтому православный церковный образ, икона, определяется не как искусство той или иной исторической эпохи, или как выражение национальных особенностей того или другого народа, а исключительно соответствием своему назначению, столь же вселенскому, как само Православие, назначению, определяемому самой сущностью образа и его ролью в Церкви. Будучи по существу своему искусством литургическим, икона, так же как и слово, всегда была и является неотъемлемой частью религии, одним из средств к познанию Бога, одним из путей к общению с Ним. Отсюда понятно то значение, которое придает образу Церковь. Оно таково, что из всех побед над множеством разнообразных ересей одна только победа над иконоборчеством и восстановление иконопочитания были провозглашены Торжеством Православия, которое празднуется Церковью в первое воскресение Великого поста.

III

Наиболее полно учение об иконе явлено Седьмым Вселенским Собором (787 г.) и святыми отцами апологетами в иконоборческий период. В сжатой форме оно содержится в кондаке Недели Торжества Православия, установленного, как мы видели, в память победы над иконоборчеством. Текст этого кондака следующий: «Неописанное Слово Отчее из Тебе, Богородице, описася воплощаем, и осквернившийся образ в древнее вообразив, Божественною добротою смеси; Но исповедующе спасение, делом и словом сие воображаем».

В отличие от 82-го правила Трульского Собора, дающего указание на то, каким способом можно наиболее полно и точно выразить в образе учение Церкви, кондак дает догматическое разъяснение канонического образа, то есть образа, уже вполне соответствующего своему назначению и отвечающего требованиям литургического искусства. Это краткое, но необычайно точно и полно сформулированное учение об иконе тем самым содержит и все учение о спасении. Оно свято хранится Православной Церковью и лежит в основе православного понимания иконы и отношения к ней.

Первая часть кондака раскрывает связь иконы с христологическим догматом, ее обоснование Боговоплощением. Следующая его часть раз-

крывает смысл Боговоплощения, исполнение замысла Божия о человеке, а следовательно, о мире. Обе эти части кондака являются по существу повторением святоотеческой формулы: «Бог стал Человеком, чтобы человек стал богом». Последняя часть кондака являет ответ человека Богу, наше исповедание спасительной истины Боговоплощения, приятие человеком домостроительства Божия и участие в нем. Последними словами кондака Церковь указывает, в чем выражается наше участие и в чем состоит осуществление нашего спасения.

Характерной чертой кондака является то, что он обращен не к одному из лиц Святой Троицы, а к Божией Матери, то есть представляет собою литургическое, молитвенное выражение догматического учения о Боговоплощении. Очевидно, что как отрицание человеческого образа Спасителя логически приводит к отрицанию Богоматеринства¹⁷, так и утверждение Его иконы требует прежде всего выявления роли Божией Матери, Ее выделения как необходимого условия Боговоплощения, как причины описуемости Бога. По толкованию святых отцов, основание для изображения Богочеловека Иисуса Христа вытекает именно из изобразимости Его Матери. «Поскольку Христос,— говорит св. Феодор Студит,— происходит от неопишуемого Отца, Он, будучи неопишуем, не может иметь искусственного изображения. В самом деле, какому равному образу могло бы быть уподоблено Божество, изображение которого в Боговдохновенном Писании совершенно запрещено? Поскольку же Христос рожден от описуемой Матери, естественно Он имеет изображение, соответствующее материнскому образу. А если бы Он не имел искусственного изображения, то и не был бы рожден от описуемой Матери и значит имел бы только одно рождение — очевидно от Отца; но это является ниспровержением Его домостроительства»¹⁸. Итак, раз Сын Божий стал Человеком, то Его и следует изображать как человека. Эта мысль красной нитью проходит у всех апологетов иконопочитания. При этом описуемость Сына Божия по плоти, воспринятой Им от Богоматери, противопоставляется как св. Иоанном Дамаскиным, так и отцами Седьмого Вселенского Собора неопишуемости Бога Отца, непостижимого и невидимого, а потому и не изобразимого. «Почему мы не описываем Отца Господа Иисуса Христа? Потому что мы не видели Его... А если бы мы увидели и познали Его, так же как и Сына Его,— то постарались бы описать и живописно изобразить и Его (Отца)»¹⁹— говорят отцы этого Собора. Тот же вопрос об изображении Бога Отца возникает в 1667 году на Большом Московском Соборе в связи с распространением в России в это время западной композиции Святой Троицы с изображением Бога Отца в виде старца. Собор, ссылаясь на святых отцов и, в частности, на великого исповедника и апологета иконопочитания преподобного Иоанна Дамаскина, указывает на неопишуемость Бога Отца и запрещает Его изображение на иконах.

Изображая Спасителя, мы не изображаем ни Его божественную, ни Его человеческую природу, а Его Личность, в которой обе эти природы непостижимо сочетаются; изображаем Его Личность, ибо икона может быть только личным, ипостасным образом, природа, «сущность же не имеет самостоятельного бытия, но усматривается в личностях»²⁰. Икона причастна первообразу не в силу тождества своей природы с его природой, а тем, что изображает его личность и носит его имя, что и связывает икону с изображенным на ней лицом, дает возможность сноше-

¹⁷ Это и произошло с крайним крылом иконоборчества VIII и IX вв. Хотя многие из иконоборцев допускали священные изображения в Церкви и возражали лишь против их почитания, крайнее крыло их, отрицая почитание всякой материи, логически дошло до отрицания земной святости, почитания Божией Матери и святых.

¹⁸ Опровержение 3, гл. 2, § 3, Р. G. 99, col. 1004 A.

¹⁹ Деяния Седьмого Вселенского Собора, Деяние 4.

²⁰ Св. Иоанн Дамаскин, Изложение православной веры, кн. 3, гл. 6.

ния с ним и возможность его познания. В силу этой связи и «честь, воздаваемая образу, переходит к первообразу», — говорят святые отцы и Вселенский Собор, повторяя слова св. Василия Великого. Поскольку икона есть образ, она не может быть единосущна первообразу; иначе она была бы не изображением, а самим изображаемым, имела бы с ним одну природу. Икона как раз тем и отличается от своего первообраза, что имеет другую, отличную от него природу²¹, «ибо иное есть изображение, другое то, что изображается»²². Иначе говоря, при сущностном различии между предметами, между ними в то же время имеется известная связь, некоторое соучастие одного в другом. Для православного сознания очевидна возможность одновременного различия и тождества, — ипостасного различия при сущностном тождестве (Триединство) и ипостасного равенства при сущностном различии (святые иконы)²³. Это и имеет в виду св. Феодор Студит, говоря: «Как там (в Троице) Христос отличается от Отца Ипостасью, так здесь Он отличается от Своего собственного изображения сущностью»²⁴. И в то же время «изображение Христа — Христос, так же как и изображение святого — святой. И власть не рассекается, и слава не разделяется, но слава становится принадлежностью того, кто изображается»²⁵.

Итак, Бог Слово, вторая Ипостась Святой Троицы, неопиcуемый ни словом, ни образом, воспринимает человеческую природу, рождается от Девы Богородицы, оставаясь совершенным Богом, становится совершенным Человеком, становится видимым, осязаемым, следовательно описуемым. Таким образом самый факт существования иконы основывается на Боговоплощении. Непреложность же Боговоплощения подтверждается и доказывается иконой. Поэтому в глазах Церкви отрицание иконы Христа является отрицанием истинности и непреложности самого Его вочеловечения и, следовательно, отрицанием всего домостроительства Божия. Защищая икону в период иконоборчества, Церковь защищала не только ее воспитательную роль и еще меньше ее эстетическое значение; она боролась за самую основу христианской веры, за видимое свидетельство вочеловечения Бога, как основу нашего спасения. «Я видел человеческий образ Бога и спасена моя душа» — говорит преподобный Иоанн Дамаскин²⁶. Такое понимание иконы объясняет ту бескомпромиссность и непоколебимость, с которой ее защитники в иконоборческий период шли на пытки и мученическую смерть.

Проф. Л. Успенский

Париж

(Продолжение следует)

²¹ В этом и заключалась коренная разница между православными и иконоборцами. В представлении последних образ единосущен первообразу: Он имеет с ним одну природу. Исходя из этого они совершенно последовательно приходили к выводу, что единственной возможной иконой Христа является Евхаристия. «Христос нарочито образом Своего воплощения избрал хлеб, не представляющий собой подобия человека, чтобы не ввелось идолопоклонство» (изложение учения иконоборцев на VII Всел. Соборе). «Православным же иконспочитателям ничего не было более чуждо, чем отождествление иконы с изображаемым на ней лицом. Св. Патриарх Никифор... указав на разницу, существующую между иконой и ее первообразом, говорит: «те же, которые этого различия не принимают, справедливо называются идолопоклонниками» (Г. Острогорский, «Гносеологические основы спора о св. иконах», *Seminarium Kondakovianum*, стр. 50, Прага, 1928). Вся аргументация иконоборцев, таким образом, исходит из одной основной прелюдии — неверного понимания того, что такое образ. Поэтому православные и иконоборцы не могли прийти ни к какому соглашению; они говорили на разных языках, и все доводы иконоборцев били мимо цели.

²² Св. Иоанн Дамаскин, 3 Слово в защиту св. икон, § 16, P. G., 94, col. 1337 AB.

²³ Г. Острогорский, цит. соч., стр. 49.

²⁴ Св. Феодор Студит, *Опроверж.* 3, гл. 3, § 7, P. G. 99, col. 424.

²⁵ Св. Иоанн Дамаскин, *Толкование на св. Василия Великого в приложении к 1 Слово в защиту святых икон*, P. G., 94, col. 1256 A.

²⁶ 1 Слово в защиту св. икон, гл. 22.

БЕСЦЕННОЕ БОГАТСТВО РУССКИХ ПЕРЕВОДОВ СЛОВА БОЖИЯ И ЦЕРКОВНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

(Мысли старообрядца)

ОТ РЕДАКЦИИ

Раскол в истории Русской Церкви, имевший место в XVII веке, вызвал взаимные обвинения, вражду и отчуждение между старообрядцами и Православной Церковью. В царской России вражда эта поддерживалась репрессивными мерами правительства по отношению к старообрядцам и мешала видеть то положительное, которым обладала противная сторона. В настоящее время одинаково свободное положение всех вероисповеданий в Советском Союзе естественно должно было смягчить обостренность взаимных отношений и позволило оценивать друг друга более внимательно и объективно. Одним из проявлений такого нового отношения к Православной Церкви со стороны старообрядцев является печатаемая ниже статья наставника старообрядческой общины в г. Риге И. У. Ваконья, присланная в редакцию ЖМП. Не касаясь споров, разделяющих православных и старообрядцев, автор с благодарностью указывает на деятельность Православной Церкви по переводу на русский язык Священного Писания и другой церковной литературы, чем широко пользуются и старообрядцы. Публикуя указанную статью, мы горячо приветствуем одушевляющую ее мысль о том, что, при отсутствии догматических разногласий между православными и старообрядцами, имеется полная возможность плодотворной работы тех и других на общую пользу.

В настоящей статье мы не будем касаться наболевших вопросов языка церковно-славянских книг, применяемых в практике Православной Церкви и в старообрядчестве. Эта тема очень сложная и, может быть, не столь актуальная, хотя и служит постоянным источником споров и расхождений между православными и старообрядцами. Нам хочется коснуться того вопроса, который является реальной почвой для сближения и потому одинаково дорог каждому верующему русскому человеку, каких бы церковных взглядов он ни придерживался.

В XVII веке святейшие патриархи российские немало потрудились для распространения слова Божия с помощью только что возникшего тогда книгопечатания. При этом их занимали и беспокоили вопросы о подлинности оригиналов, о правильности переводов с греческого языка и возникшая в связи с этим потребность в исправлении рукописных книг.

Современник царя Алексея Михайловича «тишайшего», патриарх Иосиф замечает: «Егда достиже время до лет царя и великого князя Иоанна Васильевича всея Руси, иже многа видев неисправленна в книгах и не согласующих другá друзей, ово убо от различных преводящих, ово же и от преписующих, и от долгого времени неисправленных лежащих, и повеле исправляти и устроить друкарское художество, еже бы сим художеством наполнити книги, яко да будет от всех равное воздаяние хвалы Богу»¹.

В то время Церковь и светское общество пользовались почти одним и тем же языком — церковным, смешанным с древнерусским. Церковный и народный язык XVII в. хотя и отличались один от другого, но не настолько, чтобы возникла потребность в разграничении собственно церковного языка и народного, упрощенно-церковного. Эта необходимость назрела позднее в связи с тем, что в XVIII в. разговорный русский язык стал все более отличаться не только от церковного, но и от официально-

¹ Большой сборник патриарха Иосифа, 1647, лист 879.

государственного, уходящего своими корнями также в церковный. Верующий русский народ стал стремиться к внебогослужебному чтению слова Божия на своем языке. Русская Церковь пошла навстречу таким требованиям, хотя это дело не могло не встретить противодействия, как в свое время исправление книг при патриархе Никоне. Даже такие высокопоставленные иерархи, как митрополит Петербургский Серафим и митрополиты Киевские Филарет и Евгений, высказывались против перевода священных книг на русский язык. Известный М. М. Сперанский в 1819 г. прямо заявлял по этому поводу: «Какая разность, какая слабость в сравнении с славянским! Никогда русский простонародный язык не сравнится со славянским в точности. В одном — нечто быстрое (ясное) в другом — все вяло, неопределенно, vulgaire»².

Но потребность в русском переводе слова Божия была столь велика и очевидна, что ей не могли воспрепятствовать мнения отдельных лиц. Однако Синод Русской Православной Церкви официально взялся за это дело только в 1862 году, когда перевод был поручен лучшим ученым силам тогдашних четырех духовных академий. Однако даже в 1907 г. обер-прокурор Свят. Синода К. П. Победоносцев «считал излишним заменять многие славянские слова и обороты современными русскими, полагая, что от такой замены речь нисколько не становится понятнее, а только вульгаризируется».

Надо отдать большую честь нынешним представителям Московской духовной академии, которые справедливо заявляют следующее: «Мы не будем входить в оценку перевода (слова Божия). Можно находить и в нем недостатки, как они есть во всяком человеческом произведении. Но эти недостатки не заслоняют очевидных достоинств перевода, которые придают ему значение важного церковного памятника».

В 1900 году управляющий Синодальной типографией С. Д. Войт, при ближайшем содействии обер-прокурора и его помощника, предпринял издание на русском языке Четых-Миней, положив в основу текст св. Димитрия Ростовского. Эта работа была поручена особой комиссии, в состав которой вошло 27 человек духовных и светских лиц, преимущественно с высшим богословским образованием. С 1902 г. это обширное издание стало выходить в свет отдельными книгами (по месяцам) и было завершено в 1911 г. В свое время мы с большим нетерпением ожидали выхода каждой из 12 книг, хорошо иллюстрированных московским иконописцем Ф. А. Соколовым, так что все издание являлось очень ценной настольной книгой для верующего православного человека. Добавим, что в новое издание Четых-Миней вошли дополнения из прологов, жития святых новейшего времени (усопших после раскола) и подробные справки о вселенских соборах; это еще более придавало ему значение.

В связи со сказанным не могу не вспомнить, что в молодости моей, примерно в те годы, когда начали издаваться Свят. Синодом Четых-Миней на русском языке, меня, как и многих других старообрядцев, серьезно волновал вопрос об отсутствии у нас своих старопечатных дониконовских Четых-Миней. Вместо них мы должны были пользоваться житиями Синодального издания, составленными Святителем Димитрием Ростовским, который канонизирован в Православной Церкви, а у старообрядцев, понятно, нет. Из жития и трудов св. Димитрия известно, что он часто обвинял и остро обличал людей старой веры (особенно в знаменитом сочинении «Розыск о брынской вере»). Это нашло свое отражение и в службе святителю (21 сентября и 28 октября), в акафисте ему, и не менее ярко звучит в тропаре, который даже начинается словами «Православия ревнителю и раскола искоренителю». Все это, разумеется, не могло не смущать нас, и долгое время оставляло в сомнении. Но, вместе с тем,

² «Русский архив», 1868, стр. 1701. См. «Журнал Московской Патриархии», 1954, № 4, стр. 47.

мы тогда уже знали, что Четьи-Минеи — это большой многолетний и бессмертный труд митрополита Димитрия, его многоценный дар Церкви Русской и всему православному народу, не исключая и старообрядцев. Впоследствии мои уважаемые братья по вере оценили по достоинству труды Димитрия Ростовского и в 1914 году на Преображенском старообрядческом кладбище в Москве напечатали на славянском языке все четыре объемистые книги Четьих-Миней (по 3 месяца в каждой) с оригиналов «киевской печати первых изданий», заменив только слово Иисус на Исус. Но все же мы всегда особенно дорожили этой бесценной сокровищницей духовных благ именно в русском переводе.

Традиционный перевод слова Божия, осуществлявшийся в России Синодом, одинаково удовлетворяет всех верующих и, думается, в том числе и многих старообрядцев: мы к нему уже привыкли. Такого значения безусловно не могут иметь частные переводы. В качестве примера можно указать на новый перевод Евангелия от Матфея, изданный в 1953 году в Лондоне Британским и Иностранным Библейским обществом, несостоятельность которого хорошо показана в статьях доцента А. И. Иванова в ЖМП за 1954 год. Поэтому любовь и симпатии старообрядцев должны быть всецело на стороне традиционного русского перевода, преподанного нам Православной Русской Церковью. И если это так, то отечественные переводы и впредь должны быть боголюбивее и приятнее для нас, чем новые заморские. Наследственным же правомочным хозяином наших родных переводов является Московская Патриархия.

Подавляющее большинство старообрядцев инертно еще относится к переводам, крепко держится славянского текста и, может быть, недооценивает русский перевод слова Божия, а между тем это древнеправославное большинство (незаметно для себя) пользуется вне церкви исключительно этим необъятным трудом. Сплошь и рядом домашние библиотеки духовных наставников украшаются русской Библией с многочисленными иллюстрациями, Новым Заветом, русской Кормчей, Житиями святых, молитвословами, а такие труды как церковно-славянский словарь Григория Дьяченко пользуются заслуженной славой среди старообрядцев. Если некоторые из нас скептически смотрят на переводы отдельных псалмов и эти переводы их порой смущают, то из-за этого мы не вправе отвращаться от всего перевода в целом.

Духовный наставник г. Двинска (Даугавпилса), в Латвийской ССР, уважаемый Д. Д. Михайлов, три четверти своей жизни посвятил собиранию православной богословской литературы, которую многократно перечитывал сам и бескорыстно с любовью делился ею со всяким ближним. Такой же маститый наставник г. Прейли в Латвии, здравствующий ныне М. А. Власов, начетчик и бывший когда-то оппонент православных миссионеров, в своей личной библиотеке имеет Свящ. Писание и лучшие томы православно-богословской литературы на русском языке, как и его коллега Е. К. Васильев в г. Двинске.

Суммируя все сказанное, хочется особенно подчеркнуть, что литературно-церковное богатство в своей совокупности является теперь уже сокровищем не одной Православной Церкви, а нашим общим сокровищем. Мне не хочется поднимать большого вопроса, по каким причинам получился перевес духовно-ученых сил «у вас, а не у нас». Теперь гораздо полезнее свидетельствовать отрадный факт, что Православная Русская Церковь и ее Синод в течение едва ли не 100-летнего периода в достаточной мере выполнили свою высокую миссию, обеспечив русскому верующему народу этот хлеб духовный. Можно быть уверенным, что благотворная нива переводов слова Божия и других церковных книг, как наилучшее из средств, уже принесло большую пользу делу братского сближения старого и нового православных культов.

Наставник И. Ваконья

ИЗ ЖИЗНИ АВТОКЕФАЛЬНЫХ ПРАВОСЛАВНЫХ ЦЕРКВЕЙ

МОНАСТЫРЬ КАТАМОН

(Письмо из Палестины)

Монастырь Катамон находится на юго-запад от Иерусалима, вблизи древнего монастыря Св. Креста. Главная его святыня — гроб праведного Симеона Богоприимца.

До 1859 года место, где, как полагали, должен был находиться дом с садом праведного Симеона, а также и гроб его, пребывало в полном запустении. В 1859 году монах Авраамий приобрел эту местность и начал производить ее расчистку. При работах были обнаружены остатки древнейших зданий, мозаичные полы, куски очень хорошего мрамора. Здесь же, под развалинами, был обнаружен и небольшой домик св. праведного Симеона. Он находился в том именно месте, на которое указывало местное предание. Однако о. Авраамий не оставлял мысли найти гроб праведного Симеона и неустанно производил раскопки в пределах приобретенной им местности. В 1879 году его труды увенчались успехом: гроб праведного Симеона был обнаружен неподалеку от дома, внизу, под скалою.

В доме св. Богоприимца был сооружен храм. В его левом приделе помещается могила праведного Симеона, имея над собою искусно вырезанный деревянный кувуклий, опирающийся на каменную плиту из превосходного белого мрамора, которая, в свою очередь, покоится на четырех столбах. Главный храм — небольших размеров. Алтарь от храма отделяется деревянным иконостасом художественной резьбы. Иконопись в иконостасе — на темы из жизни праведного Симеона Богоприимца. В настоящее время здесь находится греческий монастырь, именуемый Катамон. Святыни бережно охраняются.

16 февраля 1955 года, в день памяти св. Симеона Богоприимца, в Катамоне происходило торжественное богослужение. Божественную литургию совершал архиепископ Венедикт в сослужении греческого духовенства. От Русской Духовной Миссии в соборном служении принимал участие протоиерей Д. Младзяновский, присутствовал также член Миссии священник о. Сергей Харламов. Служба проходила торжественно. Среди молящихся были русские, греки и арабы, присутствовали и монахини Горненской обители.

По окончании богослужения гостям было предложено обычное на Востоке угощение. После угощения и приветственных слов все подходило под благословение к архиепископу Венедикту, который сердечно благодарил членов Миссии за участие в торжественном празднике монастыря.

Свящ. С. Харламов,
Член Русской Духовной Миссии в Палестине

СЛУЖЕНИЕ СЕРБСКОГО ПАТРИАРХА ВИКЕНТИЯ

В воскресенье, 6 февраля сего года, Святейший Патриарх Сербский Викентий совершил Божественную литургию в храме подворья Московской Патриархии в гор. Белграде.

Святейший Патриарх прибыл в храм подворья в сопровождении двух епископов: Виссариона Банатского и Германа Будимского и был встречен настоятелем подворья, протоиереем Виталием. Приветствуя Главу Сербской Церкви, о. Виталий от имени причта и прихожан выразил радость по поводу представившейся возможности помолиться в своем храме с Главой братской Православной Церкви. Отвечая на приветствие, Святейший Патриарх сказал, что он счастлив служить в храме русского подворья, выполняющего великую миссию сближения между двумя православными поместными церквями.

Святейший Патриарх совершил Божественную литургию в сослужении Преосвященных Виссариона Банатского и Германа Будимского, а также восьми священников. За Богослужением присутствовали епископы Сербской Церкви Макарий Будимлянско-Полимский и Василий Банялугский, а также множество городского духовенства. На торжество прибыли не только русские, проживающие в Белграде, но и многие сербы. На малом Входе Святейший Патриарх, по просьбе Патриарха Московского и всея Руси Алексия, возложил на начальника подворья, протоиерея Виталия, крест с украшениями и митру. Поздравляя о. Виталия с высокой наградой, Святейший Патриарх отметил, что он с радостью выполняет просьбу своего собрата, Святейшего Патриарха Алексия, о награждении о. Виталия и считает настоящий день историческим днем, так как сейчас в русском храме собрались представители двух братских церквей, чтобы славить Господа едиными устами и единым сердцем в надежде на еще более тесное общение. По окончании Божественной литургии был отслужен благодарственный молебен с провозглашением многолетия Святейшему Патриарху Московскому и всея Руси Алексию, Святейшему Патриарху Сербскому Викентию, Митрополиту Крутицкому и Коломенскому Николаю, присутствовавшим Преосвященным епископам, Богохранимой стране Российской и Богохранимой стране Югославской.

По окончании Богослужения для высокого гостя и сопровождавших лиц был устроен обед, который прошел в теплой обстановке. Святейший Патриарх пожелал и от себя отметить труды настоятеля подворья Русской Православной Церкви в Белграде в деле сближения двух православных церквей, пожаловав о. Виталию право совершать Богослужение в сербских церквях в митре. Этого права не имеют даже архимандриты Сербской Церкви.

Настоятель подворья Московской Патриархии получил многочисленные поздравления с оказанной ему патриаршей милостью от епископов Сербской Церкви, от духовенства Белграда и от многих сербов.

HIEROMOINE PIERRE

PAUL L'HUILLIER. LA CONCEPTION ORTHODOXE DU DOGME

(Иеромонах Петр (Павел Л'Юиллье). Православное понимание догмата). Вестник Русского Западно-Европейского Патриаршего экзархата, № 20, 1954, стр. 238—245 (на французском языке).

Статья иером. Петра посвящена раскрытию понятия догмата, являющегося одной из основных форм церковного сознания.

Вопрос о природе догмата представляет глубочайший интерес прежде всего для науки догматического богословия, так как правильная постановка и разрешение этого вопроса является важнейшей методологической предпосылкой догматики, как науки. Однако, как видно из содержания статьи иером. Петра, проблема догмата может рассматриваться еще и с другой стороны, со стороны его значения в жизни Церкви.

Автор начинает с уяснения происхождения догмата. По его мнению, догмат, как крепкая и вместе с тем предельно ясная формула веры, выражение того, во что верили «все, всегда и повсюду», возникает уже в древнейшие времена и отвечает двум основным потребностям церковной жизни: 1) необходимости охранять здоровое учение Церкви от заражения его еретическими лжеучениями и 2) потребности дать краткую формулировку основных истин веры для научения ей оглашенных, готовящихся к принятию святого крещения.

Первой потребности отвечали в доникейский период полемические сочинения отцов и учителей Церкви и постановления поместных соборов. Вторая породила огласительные поучения и так называемые «крещальные символы», то есть краткие исповедания веры, произносимые приступающими к крещению. Эпоха вселенских соборов дала Церкви «нико-цареградский символ», одновременно отвечающий как потребности дать «правило веры», обличающее лжеучение еретиков, так равно и общий для всей Вселенской Церкви крещальный символ.

Вторым вопросом, который ставит автор, является вопрос о критерии, с помощью которого можно отличать истинный догмат от ереси. Отвечая на этот вопрос, автор предостерегает от соблазна фетишизации каких-либо внешних юридических критериев или признаков, дающих возможность отличать истину от лжи. В частности он предостерегает и от переоценки значения вселенских соборов, как единственно*возможного критерия истинности догматов. Он указывает на то, что, хотя важнейшие догматические формулировки и были приняты на вселенских соборах, это не значит, однако, что догматические вопросы не могут быть решены на соборах поместных и что решения этих соборов не могут иметь авторитета для всей Вселенской Церкви. Он напоминает, что «соборы, весьма важные с точки зрения вероучительной, имели место на Востоке в XVI и XVII веках, хотя они и не именовались вселенскими соборами», и справедливо полагает, что «утверждать, что голос Церкви, дающий официальное разрешение догматических вопросов, обязательно для всех ее членов, замолк после окончания вселенских соборов, равносильно отрицанию того, что Православная Церковь является реальной и единственной носительницей четырех признаков истинной Церкви, перечисленных в 9-м члене Символа веры».

С другой стороны, иером. Петр указывает на то, что самое признание того или иного собора «вселенским» не может покоиться на чисто внешних юридических признаках; «идея вероучительной непогрешимости собора, — говорит он, — не может иметь чисто юридического обоснования. Недостаточно того, что какое-либо собрание епископов характеризуется всеми внешними признаками законности, чтобы его догматические определения были автоматически приняты церковным сознанием». Само «принятие» (рецепция) догматических определений собора церковным сознанием является более действительным критерием «вселенскости» того или иного собора, чем какие-либо юридические признаки.

Если критерием истинности догмата не может быть какой-либо внешний юридический признак, то это вовсе не значит, что таких критериев вообще нет. Они существуют, но только носят они не внешний, а внутренний, то есть духовный характер.

Истинность догмата может быть проверена прежде всего его отношением к основному вопросу не только христианского вероучения, но и христианской жизни — к вопросу о спасении: «Не следует забывать, — говорит по этому поводу иером. Петр, — что все догматы имеют существенно сотериологическое значение, они возвещают нам благовестование нашего спасения». «Все содержание христианской веры представляет собою, в сущности говоря, единственный, только с различных точек зрения рассматриваемый догмат, — догмат о спасении, дарованном человечеству Иисусом Христом, истинным Богом и истинным человеком»¹. Критерием ложности того или иного учения и является несовместимость его с этим основным догматом.

Как возможно спасение и обожение человечества во Христе Иисусе, если Сам Он, как учит Арий, не является Богом, единосущным Отцу, а лишь наиболее совершенным из творений Божиих? Невозможно оно и при непризнании, как это делает Несторий, истинного единения во Христе Божеского и человеческого естества или при отрицании реальности человеческого естества Иисуса Христа (монофизиты). Наконец, по существу невозможно спасение и с точки зрения иконоборцев, потому что, отрицая возможность изображения на иконах лица Иисуса Христа, они тем самым отрицают и то, что Иисус Христос есть видимый образ Невидимого Бога.

Другим весьма важным критерием истинности догмата является древность выражаемого им учения, т. е. его согласие с апостольским преданием и, наконец, признание его всей Церковью, не только соборами или епископатом и клиром, но всем православным народом.

Древность догмата, возводящая до апостольского — письменного или устного² — предания, является аргументом в пользу его истинности, к которому часто прибегают отцы в анти-еретической полемике. Напротив, ересь рассматривается всегда как новшество, как нечто такое, что не было известно «древним отцам», и это является достаточным аргументом для отрицания ее истинности. Таким образом догматическое сознание Церкви всегда консервативно: его задача — охранение чистоты древней веры, а не открытие новых истин. Новым может быть только способ выражения, а не само содержание веры. В подтверждение этого наш автор ссылается на Викентия Лирийского, который, толкуя слова ап. Павла (1 Тим. 6, 3), пишет: «Учи тому же, чему ты сам научен, говори (об этом) по-новому, но не вводи новшеств»³.

Для хранения этого издревле содержимого Церковью догматического предания не существует в Церкви специального, юридически уполномоченного на это органа, но хранителем веры признается сам православный народ. Иером. Петр цитирует в подтверждение этого известное место из Послания восточных патриархов 1848 г.: «У нас ни патриархи, ни соборы никогда не могли ввести что-нибудь новое, потому что у нас хранитель благочестия есть самое тело Церкви, т. е. самый народ, который желает, чтобы догматы веры пребывали всегда неизменными и согласными с верою его отцов».

В этой связи автор рассматривает еще один важный для церковного сознания и церковной жизни вопрос об отношении догмата к откровению.

Формула соборных определений: «изволися Духу Святому и нам», казалось бы дает право утверждать, что в догматических определениях соборов мы имеем особого рода откровение, равноценное с тем, которое дано в Свящ. Писании. На самом деле это, однако, не так.

Бог Отец открывает Себя человеку в Своем претеченнорожденном Сыне — Богочеловеке Иисусе Христе: Он посылает Церкви Христовой «иного Утешителя — Духа Истинного», который наставляет верных «на всякую истину». Это откровение Божие во Христе и Святом Духе с самого начала носит абсолютный характер: истина, которую Бог благоволил открыть людям с первых дней жизни Святой Церкви, дана ей во всей полноте. Нет ни одного дня в жизни Церкви, когда бы она не являлась обладательницей всей истины. Поэтому иером. Петр вполне прав, утверждая, что «откровение завершается с концом апостольского времени». Последующий период — эпоха вселенских соборов, — при всей своей важности для последующей жизни Церкви, не может рассматриваться сам по себе «как время особого откровения, аналогичного тому, которое имело место во времена апостолов». Мысль эта со всей последовательностью вытекает из приведенных выше утверждений нашего автора, касающихся охранительного характера догматики и ее связи с апостольским преданием.

Если догмат не есть новое откровение, то в чем же заключается его смысл и назначение в жизни Церкви? Отвечая потребности Церкви ограждать здоровое учение, приня-

¹ Интересно сопоставить эту мысль иером. Петра со следующими словами преп. Григория Синаита: «Предел православия есть чисто ведать два догмата веры, — Троицу и Двоицу: Троицу неслиянно и нераздельно созерцать и ведать, Двоицу — два естества во Христе в едином лице, т. е. единого Сына исповедать и ведать и прежде воплощения, и по воплощении в двух естествах и волях, божеской и человеческой, неслиянно славимого» (Главы о заповедях и догматах. § 26. Добротолюбие в русском переводе, т. V, М., 1890, стр. 202).

² Обличая еретиков, св. Ириней Лионский ссылается на то, что «такого учения не предали нам предшествовавшие нам пресвитеры, которые обращались с самими апостолами» (Послание к Флорину. Сочинения св. Ириней в русском переводе. СПб. 1900, стр. 5—6).

³ Напоминание 1, § 22.

тое от апостолов, от искажения его лжеучениями еретиков, догмат является в первую очередь границей, отделяющей истину от заблуждения.

Поскольку возникновение догмата связано с полемическими и апологетическими задачами Церкви, церковная мысль, переходя из сферы откровения в сферу догмата, вынуждена бывает пользоваться терминами и определениями, которые не были известны апостольскому времени и которые поэтому кажутся иногда проникновением в сферу, выходящую за пределы данных откровения. Борясь с проникновением в область веры рассудочного начала, которым характеризуются все ереси, церковная мысль была вынуждена пользоваться определениями и доказательствами, заимствованными из области человеческого знания и разума. Эту особенность догматической мысли автор очень удачно иллюстрирует следующей цитатой из трактата св. Илария «О Святой Троице»⁴: «Злоба еретиков и богохульников вынуждает нас совершать вещи недозволенные, восходить на вершины недостижимые, говорить о предметах неизреченных, предпринимать исследования запрещенные. Следовало бы удовольствоваться тем, чтобы с искренней верой выполнять то, что нам предписано, а именно поклоняться Богу Отцу, почитать с Ним Бсга Сына и исполняться Святым Духом. Но вот мы вынуждены пользоваться нашим слабым словом для раскрытия таин неизреченных. Заблуждения других вынуждают нас самих становиться на опасный путь изыскания человеческим языком тех таин, которые следовало бы с благоговейной верой сохранять в глубине наших душ».

Изложенное выше православное учение о догмате, как о раскрытии изначала данного откровения, автор противопоставляет римско-католическому его пониманию, на основе которого возникает католическое учение о догматическом развитии. Автор показывает, что до XIX века идея эта была чужда римским богословам, которые, полемизируя с Востоком по тем или иным догматическим вопросам, так же как и их противники, всегда апеллировали к древним защищаемого ими положениям. Однако проникновение в католическую догматику целого ряда догматов, совершенно неизвестных древней Церкви (напр. о Непорочном зачатии или о непогрешимости папы), делали такую аргументацию все более затруднительной, в результате чего католическое богословие вынуждено было прибегнуть к новой и чуждой всему духу церковной догматики идее «догматического развития».

Основоположником этого учения иером. Петр считает английского богослова Ньюмана, который перешел в католичество из англиканства. Его присоединению к Римской Церкви вначале препятствовало то, что он находил в ее догматике много положений, которые не были известны Церкви первых веков. Выход из этого затруднения был найден Ньюманом в учении о догматическом развитии, которое кратко сформулировано им следующим образом: «Свящ. Писание начинает собою процесс развития, которое им не завершается. Было бы поэтому ошибочно искать в нем оснований для каждого отдельного положения католической доктрины». Такое понимание, по мнению Ньюмана, делало бы нас рабами буквы. В Писании мы можем найти лишь общую идею тайны, которая получает свое выражение в многочисленных догматах, возникающих в процессе догматического развития. Не трудно видеть, что эта точка зрения, последовательно проведенная, должна привести к отрицанию границы между откровением и догматом и открыть путь к проникновению в область догматики многочисленных учений, чуждых первоначальной вере апостольской.

Признание идеи догматического развития в свою очередь ведет к необходимости опереться на какой-либо внешний, юридически обоснованный критерий, дающий свидетельство истинности новых откровений — догматов. Таким критерием является для Римской Церкви авторитет папы, — «непогрешимого учителя Вселенской Церкви». Любое догматическое положение, ex cathedra провозглашенное папой, является непогрешимой и неподлежащей обсуждению истиной.

Нет надобности приводить специальное доказательство того, что такое учение в корне противоречит изложенной выше православной концепции догмата. Правда, в Православной Церкви епископату также принадлежит право, а иногда и обязанность формулировать догматы веры, которые, однако, в противоположность католическому пониманию, являются не новыми откровенными истинами, а лишь напоминанием об истинах веры, известных Церкви со времен апостольских.

Ясное и точное изложение православного понимания догмата и противопоставление его римско-католическому должно быть признано несомненным достоинством рассмотренной статьи.

А. Ведерников.

⁴ Кн. II, § 2.

ПОПРАВКА

В «ЖМП» № 5 за 1955 год в статье «В Западной Германии», на стр. 74, 22 строка снизу, напечатано: пастор Гюбер, следует читать: пастор Грюбер.

